

Н. А. НАТАРОВ

ЭПОХА – СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ТЕОРИИ

*«И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Ещё не ясно различал.»*
(А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»,
глава осьмая, строфа L)

Москва

2/VIII – 1991 г. – 31/VIII¹

¹ В работе есть незначительные добавления, сделанные несколько позже, вплоть до 5 октября 1991 г. Цветные подчёркивания и отметки NB! на полях также сделаны автором уже в машинописном тексте. (Прим. ред.)

Оглавление

1. Вместо введения	стр. 2
2. Общие теоретические установки	стр. 4
3. Нечто о философии технологии	стр. 19
4. А. Эйнштейн и Эрих Фромм о социализме	стр. 21
5. «Ситуация отставания» как «ситуация неопределённости, которая возрастает по экспоненте»	стр. 29
6. О материальных жизненных отношениях	стр. 33
7. Итак, «социализм и рынок». Польза и истина	стр. 37
8. Польза и истина	стр. 43
9. Приложение: Узловые идеи концептуального подхода – вместо заключения	стр. 47

Введение в комплекс идей теории перестройки

О характере нашей эпохи и адекватности теоретического мышления

1. Вместо введения

Чтобы понять настоящее как необходимую деятельность, здесь речь идёт о грядущем.

Прежде всего для решения наших задач надо **понять эпоху**. Чтобы действовать адекватно новым тенденциям и переменам, которые **грядут**, нам нельзя копировать вчерашний день чужой истории... из-за того, что мы отстали. Это бесполезно, и это – во-первых.

Во-вторых, – нам необходима современная теория социума и, следовательно, необходимы шаги вперёд в создании философии истории, соизмеримой с задачами эпохи. Опираясь на парадигмы и категории вчерашнего общественного сознания, мы пытаемся с таким ограниченным «гносеологическим капиталом» понять **будущее**. Это – гносеологический парадокс! Поэтому нам необходимо овладеть силой критической мысли о самом мышлении, конструктивно переосознать своё собственное сознание. Всё это задачи – в области духа. В «марксизме-ленинизме» они не ставились. Но без них не обойтись.

В-третьих, для прояснения самим себе ситуации в стране и определения способов социального действия необходим **методологический отправной пункт**: страна находится в «ситуации отставания», в «ситуации неопределённости, которая возрастает по экспоненте». И суть дела не в том, чтобы добиться благосостояния и сытости, а в том, чтобы осуществить новый тип культурно-производственной жизни.

В-четвёртых, «ситуация отставания» и возрастающая неопределённость, свидетелями которых мы являемся, порождены тем, что социальный процесс – неуправляем, потому, что нет теории. В XX веке более или менее благополучные общества не могут оптимально существовать без богатого спектра научных изысканий, экспертов и консультантов, за которыми стоят социальные, социально-политические, социально-философские, политологические, гуманистические исследования человека, общества, геополитики, социальных проблем и институтов, которые, в свою очередь, опираются на многочисленные фонды, поощряющие многообразные исследования в гуманитарной области.

У нас же ни сам Ленин не обладал адекватным теоретическим потенциалом социально-философского характера, ни его властные последователи. В стране образовался **теоретический провал**. Но даже если были бы в наличии многочисленные экспертные группы и консультанты, они не в состоянии заменить своим эkleктическим многообразием творческой деятельности конструктивного интеллекта, сосредоточенного в одной голове и совершающего системный социально-философский синтез на основе постоянно развиваемой логики истории.

Одно только заявление В.И. Ленина по поводу перспектив и возможности социализма в России 1917 года («сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уже видно будет»²) звучит авантюристично, тем более что Ленин называл «бесспорным положением» то, что «Россия не достигла той высоты развития»... «при которой возможен социализм» (ПСС, т. 45, с. 380).

Из всего ленинского печатного наследия мы сегодня не сможем найти хотя бы две социально-философские идеи, которые возможно было бы плодотворно применить к разрешению наших сегодняшних трудностей.

² См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 45. с. 381.

В XX веке лидер, который не обладает теорией эволюции социума и методологией перемен, безответственен. **Теоретический провал** ленинской партии привёл к практическому провалу коммунизма. Эта партия и её вожди были ориентированы **только** на сохранение своей политической власти. Гипноз окончательно развеялся только с крахом КПСС в 1991 г. Этот крах удивил и подтвердил, что без адекватной теории нет эффективной практики. И когда в еженедельнике «Коммерсантъ» от 2-9 сентября 1991 г., с. 7, мы читаем, что КПСС имеет за рубежом до 100 млрд. долларов, то приходишь к выводу, что вожди КПСС меньше всего думали о коммунизме.

Напротив, на Западе есть масса социально-философских работ, которые так или иначе составляют средоточие критического самосознания XX века. Из западных мыслителей XX в. наиболее крупной личностью по всем признакам, несомненно, является Эрих Фромм (1900-1980), а из его работ – «Иметь или быть?» (1976), хотя на Западе в XX в. можно назвать много ярких и оригинальных мыслителей, тяготевших к проработке и освоению методологии социально-философской проблематики. Важнейшим моментом творческого наследия Э. Фромма надо считать его ясное и определённое НЕПРИЗНАНИЕ монопольного главенства экономического (да и политического) механизма в организации достойной жизни людей. И этим полезно было бы обогатить своё мышление лидерам России и других республик бывшего Союза, поскольку у нас экономический подход доминирует и вытесняет другие подходы.

Данная работа представляет собой ответ на давно назревшую потребность в жизненной теории и страстный прорыв к «многомерному» осознанию современной исторической эпохи на почве подчёркнуто выраженного теоретического мышления, которое вводит в научный обиход новые категории и концептуальные идеи. Главная задача заключается в том, чтобы довести до ищущего сознания нашего глубоко потрясённого общества, что экономическая ориентация нашей реформаторской мысли это – лишь ОДНО из направлений необходимого мышления и что экономические проблемы это в сущности мизер в сравнении с тем, что необходимо осуществить. В работе буквально контрарно противопоставлены такие понятия как *стоимость* товара и *ценность* творческого потенциала личности, *польза* и *истина*, субъективные потребности индивидов и объективные потребности эпохи, «личный материальный интерес» и его в сущности БЕЗЛИЧНОСТНОЕ содержание; существенное значение имеет впервые вводимое РАЗЛИЧИЕ неорганических (или трансформационных) технологий и технологий органических, или высших, с которыми только и может быть связано достижение «высшей производительности труда». Преодолено аморфное толкование категории труда и чётко различается труд, производящий товары, и труд, формирующий таланты, двойственная и тройственная сущность труда, соотнесены понятия гуманизма и утилитаризма, что в нашем социальном мышлении совершенно не практикуется, затронута проблема «профессионального идиотизма», значение которой у нас прикрыто огромным «белым пятном» на карте философии нашего социума. А ведь эта проблема связана с пониманием и преодолением отчуждения, без углубления в которую невозможно ничего существенного сказать о реформировании и гуманизации нашего общества.

Словом, работа формирует новый спектр сознания для понимания нашей эпохи. И одним из важнейших моментов формирования этого понимания является указание на факт ТАВТОЛОГИЗМА существующего ныне методологического подхода к проблемам реформирования нашего общества. Тавтологизм здесь состоит и выражается в том, что экономисты вознамерились экономическими приёмами перестроить экономику, юристы намерены при помощи правовых рычагов создать «правовое государство», а политики при помощи политических ухищрений стремятся достичь политического обновления общества в современную эпоху.

В связи с этим возникает вопрос: является ли реформирование нашего общества *фундаментальным* преобразованием или же представляет собой некую *модификацию* того, что есть?

И ещё вопрос: идёт ли человечество к новому качественному состоянию (и должно ли оно стремиться к этому перед лицом всяческих кризисов, в том числе и *экологического*), или же экономический детерминизм является **ВЕЧНЫМ** *коренником*, а право и политика – пристяжными в «тройке борзых лошадей», на прицепе у которой мы хотим въехать в будущее гуманное общество? И возможно ли это вообще на такой «тяге»?! Автор данной работы стоит на той позиции, что на старой основе обновление нашего общества в современную эпоху невозможно. А старая основа – это экономико-политико-правовой триумвират.

Впрочем, обновление, как уже было сказано, невозможно и без экономической ориентации нашей реформаторской мысли. Но если речь идёт о действительно преобразовательном *мышлении* (а, следовательно, и о критическом отношении к ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ), то заглавная функция должна принадлежать философии социума – развитию социально-философского прозрения в будущее, а не экономистам, не юристам и не политикам, ибо эти три области мышления (*перед лицом объективных требований грядущего общества*) являются в сущности «реликтовыми» областями мышления и культуры. Хотя, разумеется, культурные моменты экономики, права и политики отрицать никто не будет: речь идёт о **ДОМИНАНТНОМ** моменте в системе мышления.

Таким доминантным моментом сегодня становится социально-философское прогностическое мышление. Наше общество страдает прежде всего от того, что в нём не развита теоретическая функция и, в частности, нет критического мышления о самом мышлении, не выясняется проблема адекватности мышления ТОМУ состоянию социума, который должен быть создан в силу объективных требований эпохи. Отсюда и проистекает, что юристы, политики, экономисты оперируют таким «гносеологическим капиталом», который является производным от прошлого состояния общества. А с таким мыслительным оснащением принципиально невозможно сделать шаг в действительное будущее (как в систему отношений **нового времени**, как в новое *историческое* качество субстанциональности и социальности общества) и невольно приходится «повторять зады» старой социальной модели. Таким образом, указывая на тавтологический характер умственных построений наших уважаемых реформаторов, данная работа призвана осуществить определённое освобождающее действие в сфере мышления и открыть новое «мыслительное пространство» перед ищущей мыслью страны.

2. Общие теоретические установки

Подобно тому как при прохождении сложного света через призму, обнаруживаются составляющие его *цвета, спектр составляющих*, так и современная эпоха, постигнутая теоретически, должна предстать ответственному и въедливому мышлению во всей сложности ЕЁ составляющих – спектра *фундаментальных* детерминант.

Поэтому на следующих страницах почти ничего не будет о политике, о законотворчестве, о власти, ибо всё это – *второстепенно*, полутона, *производные* от экономики, которая представляет собой лишь один из цветов нашей эпохи.

Правда, сейчас у нас другая картина. У нас, как в «Ревизоре» Н.В. Гоголя: курьеры, курьеры, курьеры... 35 тысяч одних... юристов, а экономистов... так просто не счесть, а толку, как говорят в народе – чуть. А всё потому, что «разговоры об экономике представляют собой недостаточно фундаментальный тезис». Вообще мышление сужено, узко.

Упор на «новое экономическое мышление», как бы ни казалось это respectable и эффективным, – не даёт (и не даст!) действительной картины общества, не раскрывает (и не раскроет!) всех задач наступающей эпохи, НЕ обнаруживает всей сложности предстоящего.

Нам надо осмыслить не просто «положение в стране», а – вскрыть его исторический момент (и при этом как момент преходящий), сущность этого момента с точки зрения философии истории этой страны, продолженной в будущее. Надо понять (т.е. – в понятиях сформулировать) философию будущего как логику эпохи, ибо без этого невозможно «продуктивно» постичь настоящее. У нас же ограничиваются представлениями.

Необходимо максимально расширить угол зрения на нашу эпоху, иначе нам грозит «экономическое обалдение». – И эту идею надо чётко «застолбить» и, как говорится, «намотать себе на ус» и «зарубить себе на носу»: экономический подход – в фундаментальном (= базисном) отношении – односторонен. Поэтому-то и «не получается». – Не видим спектра основ. –

На фоне того преклонения (колен и умов) перед «экономической наукой», которое у нас ныне образует цвет интеллектуальной атмосферы в публицистике и в политике, выпад против «экономизма» может быть воспринят как неслыханная дерзость и как вызов. – А может быть, заставит и задуматься? – Но никто ведь не собирается абсолютно отрицать значения «экономического момента», как, с другой стороны, НЕ следует, видимо, превращать «новое экономическое мышление» (вопрос только в том, *насколько оно ново?*) в некий абсолют *теоретического* мышления!

Признавая значение «экономического начала» во всей ЕГО полноте, надо подчеркнуть, что у общества, которое мы хотим осуществить, **таких «начал» несколько**, и что на горизонте того грандиозного, неординарного и человечески-великого будущего, которое предстоит создать, проникая мысленно в природу нового социума, **экономические проблемы есть в сущности мизер** на фоне того разворота событий, который предстоит осуществить, чтобы экономика заработала. Поэтому, всматриваясь и вдумываясь в структуру мышления наших уважаемых (да и почтенных зарубежных) экономистов, поражаешься их неспособности целостно, **во всей полноте**, постичь современную эпоху. Они мыслят, как 200 лет назад.

Если при уточнении метода осмысления нашей эпохи **взять за аналогию** «новую глобальную тектонику» («тектонику литосферных плит»), посредством которой в современной геологии объясняют строение земной коры и «движущие силы» горообразовательных процессов, то «строение» нашей эпохи и её «движущие силы» надо представить как свою, т.е. – своеобразную, теперь уже – социальную «тектонику литосферных плит», которая гораздо глубже и фундаментальнее теории классовой борьбы (которая, к тому же, понималась у нас искажённо, субъективистски: как волевая борьба субъектов собственности).

В фундаменте нашей эпохи надо различать, *по крайней мере*, «тектонику» «двух глубинных платформ»: *силы таланта* и *силы товара*, за которыми, в свою очередь, можно теоретически достоверно установить ещё и «тектонику более глубоких плит», составляющих *многоцветье* нашей эпохи. К их числу (со стороны «силы товара») надо отнести: «силу разделения труда», которая повышает производительность труда, **производящего товары**, и «силу технологий», которые далее будут определены как «трансформационные», или как «неорганические».

Если же – со стороны «силы таланта», то к числу «более глубоких тектонических плит» социальной реальности надо отнести: «силу ассоциации», «силу семьи», «силу отношений

развития», – которые существенно отличаются от «производственных отношений», – и «силу средств развития», которые в качестве категории пока не фигурируют в системе нашего гуманитарного знания, хотя «о развитии» у нас любят говорить и говорят очень охотно. – Итак, *многоцветье* фундамента эпохи.

Наши же уважаемые экономисты видят только товар, только **силу товара**. У них – явно монохромное мышление. Эпоха же, в которую мы живём, – полихромна, имеет под собой сложную «тектонику социальных литосферных плит», и мыслителям и реформаторам нашего общества нельзя забывать об этой сложности ни на минуту, если они хотят мыслить и действовать *фундаментально*. Итак, наши уважаемые экономисты видят только товары, которые обращаются на рынке. Но для эпохи характерно, что ТАЛАНТ (как сущность грядущего и наступающего уже сегодня человеческого бытия) несёт в себе генеральную тенденцию и приобретает всё большую значимость, **в сравнении с товаром**. Товар – это сущность теперь уже исторически прошлого общественного бытия. Дух прошлой эпохи, вокруг которого, как вокруг оси, вращались все социальные процессы, – это меновая стоимость. Пророком этого духа был Адам Смит.

Дух наступающей эпохи, вокруг которого, как вокруг оси, всё больше начинают вращаться все социальные процессы – это **ЦЕННОСТЬ** *человеческой творческой личности*, не имеющая стоимости. И в этом – всё дело.

Пророком этого духа был Карл Маркс, который предрёк, что «рухнет производство (и, следовательно, общество. – Н.Н.), основанное на меновой стоимости»³ и что подлинным богатством является «абсолютное выявление творческих дарований человека»⁴.

Но в предречённое Марксом почти никто не поверил, потому что почти никто его не понял. Большинство людей и сегодня, т.е. 124 года спустя после выхода «Капитала» понимает богатство по Адаму Смиту, то есть – в том смысле, что это товары. Огромное скопление товаров понимается и оценивается как огромное богатство. Люди будто ослеплены этим феноменом, и никто не осмысливает *обратных связей*, порождаемых товарным производством, и – к чему они ведут! А ведут они к оскудению: к оскудению природы, к оскудению личности, к оскудению её духовного потенциала... Эти *обратные связи* ведут даже к гибели человеческого рода! Но никто этого не видит. Вдумайтесь в такой факт: хотя в наиболее развитых индустриальных странах проживает лишь одна четверть населения Земли, они расходуют 75% вырабатываемой в мире энергии (по данным журнала «Ньюсуик», Нью-Йорк, июль 1991 г.). Следовательно, чтобы поднять уровень жизни трёх четвертей населения Земли до уровня жизни населения наиболее развитых стран, необходимо на их территории в три раза увеличить производство энергии. Следовательно, в три раза увеличить сжигание угля, мазута, газа, нефти, торфа, сланцев, древесины, построить в несколько раз больше атомных электростанций... Но ведь это же невозможная перспектива, означающая апокалипсис, сотворённый руками людей. Это – если рассуждать только в аспекте производства энергии. Но есть ведь ещё и аспект переработки вещества, который включает в себя массу предприятий-загрязнителей, функционирующих на основе химии, физики, механики, т.е. на основе технологий принципиально враждебных живому веществу, враждебных жизни вообще. И если энергии будет в три раза больше, то в три раза больше будет этих предприятий-загрязнителей со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями...

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214.

⁴ См. там же, т. 46, ч. I, с. 476, с. 475-476.

Надо подчеркнуть следующий существенный факт: когда у нас произносят слово «экономика», то почти в ста случаях из ста не понимают, что экономика (т.е. производство товаров) имеет опору на такую «глубинную тектоническую плиту», как неорганические (механико-физико-химические) технологии. Именно из-за того что производство опирается на эти неорганические технологии, способные осуществлять лишь *частичный технологический эффект* по отношению к предмету труда, и существует экономика, т.е. система производства, в которой люди связаны необходимостью:

- а) обмениваться «продуктами» своего труда, которые суть частичные продукты;
- б) устанавливать эквивалент обмена (= меновую стоимость);
- в) использовать деньги, чтобы облегчить обмен при столь громоздкой системе «производства», где в каждом очаге – «незавершёнка», и, следовательно, целостного продукта нет, а происходят лишь *трансформации* потоков вещества и энергии. Производит в действительности лишь «зелёная трава» и подобный ей зелёный лист пшеницы, ржи, кукурузы, картофеля и т.п., то есть – технология фотосинтетического характера – как технология органического синтеза, дающая целостный готовый продукт, способный сразу удовлетворить органические жизненные потребности живых организмов.

Но в этой технологии человек участвует лишь **касательно, опосредствованно**, как **подсобник** – при помощи своих неорганических технологий, *которые и определяют его социальную сущность – как частичного специалиста...*

В этом-то и состоит тайна экономики!

И сегодня (а в этом и состоит сущность нашей эпохи!) экономика как способ жизни для ВСЕГО человечества становится непригодной и невозможной, ибо та «литосферная тектоническая плита», от которой происходит экономика, НЕ в состоянии, не в силах обслужить демографическую массу в 6 млрд. человек, которая на Земле есть. *Наступил количественный предел эффективности экономики*, ибо питающие её и адекватные ей неорганические технологии производят столько ЯДА для окружающей среды, что биосфера Земли не в состоянии нейтрализовать его. И это грозит самому существованию человека как *органического* существа. Технологии-то – *неорганические* и разрослись настолько, что сравнимы по своему действию с геологическими катаклизмами глобального масштаба!

Вот в чём корень зла!

Второй корень зла, связанный с экономикой, состоит в том, что адекватные экономике механико-физико-химические технологии порождают **такую систему разделения труда**, которая обрекает массы индивидов на «профессиональный идиотизм» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 159; т. 3, с. 301). Это так называемое «общественное разделение труда» составляет существеннейшую предпосылку экономики – одну из «литосферных плит», на которой экономика самореализуется, ибо основные категории экономики (собственность и стоимость) суть производные от разделения труда, как, впрочем, и такие явления, как классы, политика, деньги, рынок и т.д.

В первобытном обществе, где не было «общественного разделения труда», а бытовало *естественное* разделение труда, *обусловленное* решающей и определяющей ролью для населения продуктивности естественных технологий, выразившихся в биосозидательных функциях флоры и

фауны, – не было ни классов, ни политики, ни законов и законотворчества (как у Пушкина в поэме «Цыганы» говорит Старик: «Мы дики, нет у нас законов, мы не терзаем, не казним»), ни понятия стоимости, ни отношений собственности. Все эти прелести есть порождение **социально-профессионального разделения труда**, обусловленного господством НЕОРГАНИЧЕСКИХ технологий, функционирование которых противопоставило людей друг другу как профессионалов и как производителей «частичных товаров», покончив тем самым с таким положением, когда ПРОИЗВОДИЛА природа (и притом – *биогенным* способом!), и с сообществом людей как с *естественной* ассоциацией родственников по крови. В этой связи не всегда осознаётся, что «разделение труда и частная собственность это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» (см. там же, т. 3, с. 31). У нас широко распространено заблуждение, что общественная собственность устанавливается декретом и что указом Президента или постановлением Верховного Совета республики можно восстановить отношения частной собственности. У М. Шолохова, например, показано, как Макар Нагульников и Семён Давыдов устанавливали общественную собственность на хуторе Гремячий Лог... Трагикомедия.

Всё это примеры того, насколько мы компетентны в вопросах фундаментальных преобразований нашего общества...

При действительной теоретической компетенции и в 20-е и в 30-е годы и позже должно было быть понятно, что если сохраняется общественное разделение труда, – а оно у нас сохраняется в течение всего периода после 1917 года, – то и в отношении к деятельности и в отношении к продукту деятельности сохраняются отношения частной собственности, хотя юридические и политические фикции и противоречат этому! Иными словами: невозможно фундаментально изменить отношения собственности, если неизменными остаются отношения деятельности, выражающиеся в системе разделения труда, которое составляет действительный фундамент нашего социума, поскольку технологии-то остаются неорганическими. Маркс для своего времени отмечал, что «*система машин* выступает как наиболее адекватная форма *основного капитала*, а основной капитал... – как *наиболее адекватная форма капитала вообще*». (См. там же, т. 46, ч. II, с. 205.) С тех пор к системе машин, воплощающих механическую форму движения, прибавилось использование в технологии физических и химических форм движения материи. Но, тем не менее, развитие технологии не вышло за рамки применения неорганических форм движения материи. А это обстоятельство означает, что профессионал, работник при таких технологиях выступает как «часть частичной машины» (см. там же, т. 23, с. 433, 434).

Человеческая природа реализуется лишь частично. И это функциональное положение человека в сфере производства делает необходимым обмен, меновую стоимость и деньги, т.е. предопределяет экономические отношения, экономику, эксплуатацию... Ясно, что гуманистическая мысль не может оставить эту проблему без внимания и не может не ставить вопрос об условиях преодоления ограниченности развития способностей, диктуемой экономическим статусом человека в качестве частичного профессионала.

Таким образом, экономическое устройство общественной жизни имеет пределы своей оправданности как по вопросу о развитии человека, так и по вопросу отношения к биосфере. А это означает не что иное как *исторический* кризис экономического способа организации общественной жизни, как способа организации вообще, не улавливаемый пока в наиболее развитых странах.

Посмотрим теперь, что же происходит в Советском Союзе, в СНГ.

То, что наблюдается сегодня у нас – это не просто кризис советской экономики (и ещё менее кризис социализма, которого у нас в сущности и близко не было, ибо не может быть социализма при сохранении старого разделения труда!) – это **частный** случай глобального исторического **кризиса экономики вообще** как специфического способа жизни (при котором человек универсально не развивается), **так как специфическая технологическая платформа экономической системы не содержит в себе предпосылок для абсолютного выявления и реализаций творческих дарований человека.**

В наиболее развитых странах эта несостоятельность экономической системы вообще как системы ещё не ощущается по многим причинам: из-за их развитости, сытости, относительного благополучия, но, главным образом, это не осознаётся из-за отсутствия необходимой «силы абстракции» социально-философского толка – качества, фактически отсутствующего у «деловых людей», которым присущ преимущественно практически-эгоистический рассудок.

У нас же складывается ситуация, в которой (по пословице, «где тонко, там и рвётся») нам первым, среди других стран, приходится узнать, что ЭКОНОМИКА ВООБЩЕ как система – не обладает потенциалом, пригодным для того, чтобы вытащить нас из провала, глубиной в 73 года. Россия, таким образом, опять оказалась «слабым звеном» в цепи других стран, но теперь – совсем в другом смысле.

У нас это тоже, конечно, не осознаётся по причине, так сказать, «**экономической уткнутости сознания**» наших уважаемых юристов, публицистов, экономистов, политиков: когда «экономическое мышление» квалифицируется и почитается в качестве синонима высшей компетентности, то принципиально-критическое отношение к самой сущности экономики становится невозможным. **Сравнительно недавно** обошедшая весь мир статья Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», думается, неточно трактует действительную проблему. На самом деле мы присутствуем не при конце истории, а – при начале конца экономически детерминированной истории. И это открывает грандиознейшие перспективы как перед теоретическим мышлением, так и перед практикой, иначе человечеству грозит действительный конец истории.

Сегодня «сила абстракции» составляет, пожалуй, наиважнейшую и наиглубиннейшую из «социальных литосферных плит», на которых держатся социальные движущие силы истории. «Сила абстракции» – это сегодня даже более важный потенциал и резерв человеческой созидательной активности, чем в применении к «анализу экономических форм», о чём Маркс счёл необходимым сказать на шестой странице своего Предисловия к «Капиталу», **ИБО СЕГОДНЯ ПРЕДВИДЕНИЕ ДОЛЖНО ПРОШЕСТВОВАТЬ ДЕЙСТВИЮ.** И предвидение это должно быть – «не от мира сего». Ибо историческую сущность экономики невозможно постичь экономически. Сегодня предвидение должно быть ЭПОХИАЛЬНЫМ, то есть представлять собой способность к тому, чтобы из следующей исторической эпохи «смотреть» на сегодняшнее время – пространство – действие.

К сожалению (или – с сожалением) приходится констатировать: интеллект инициаторов перестройки (и это необходимо сказать при искреннем уважении к этим незаурядным исторически-значимым личностям) относится к тому типу высшей нервной деятельности, который, скажем так, «не тяготеет к абстрактному мышлению», а представляет собой скорее интеллект эмпирического типа. Это не умаляет личного достоинства этих людей как инициаторов, но для дальнейших видов перестройки такое сочетание (эмпирически-ориентированный интеллект и реформы) – не лучший вариант. Известно, например, что Людвиг Фейербах отличался тем, что

был недоволен абстрактным мышлением и тяготел и апеллировал к чувственному созерцанию. Французские материалисты XVIII века были преимущественно эмпириками по складу ума. И многие-многие другие. Например, наш современник, акад. Николай Михайлович Амосов представляет собой яркий тип эмпирика, как свидетельствуют его многие интервью «Литературной газете» по проблемам искусственного интеллекта, проводившимися в связи с вопросом о том, «может ли машина мыслить» – в 70-е годы (см., например, ЛГ от 6 июля 1977 г.).

М.С. Горбачёв, выступая ещё на XXVII съезде КПСС по поводу принимавшейся тогда Программы партии, отметил, что Программа должна «быть свободной как от излишней детализации, беспочвенной фантазии, так и от книжной премудрости, игры в дефиниции. Программа – это ясное и точное заявление о том, чего партия добивается и за что она борется» (см. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи, т. 3. М., 1987, с. 7). Сегодня в газетах опубликован проект Программы к XXIX съезду КПСС, который состоится в конце 1991 г.

Уже один этот факт говорит, что только четыре года прошло, и Программа уже не удовлетворяет требованиям времени. И это во многом потому, что эти четыре года мы жили по «газетной премудрости», а она, – за неимением «книжной премудрости», – не смогла «ясно и точно» определить, чего следует добиваться партии и *какими способами* это делать. Это был по существу первый «прокол» эмпирического интеллекта и эмпирического подхода.

Второй пример связан с посещением Литвы, заявившей о своём выходе из Союза. Тогда на встрече М.С. Горбачёва с интеллигенцией республики прозвучало его восклицание: «Это – профессорская схема!». По своему оглушающему воздействию эти три слова оказались сильнее, чем все землетрясения на Земле, происшедшие с начала перестройки (1985 г.). Дело в том, что в науке вообще нельзя без «профессорских схем». Периодическая таблица химических элементов Д.И. Менделеева – это «профессорская схема». Создание модели структуры ДНК (двойной спирали) Ф.Х.К. Криком и Дж. Уотсоном в 1953 г. – это «профессорская схема», но она позволила объяснить многие свойства и биологические функции ДНК и положила начало молекулярной генетике. К. Маркс разработал, опираясь на труды Рикардо, формулы производства и воспроизводства капитала, и это – тоже «профессорские схемы». Но без них нельзя понять, как функционирует экономика!

Третий случай – статья М.С. Горбачёва в «Правде» от 26 ноября 1989 г. «"Социалистическая идея" и революционная перестройка». В ней сказано от имени партийного руководства, что «мы не следуем какой-то извне навязанной, абстрактно сформулированной догме, а анализируем и обобщаем то, что складывается в самой жизни, как результат творчества миллионов».

«Обобщаем то, что складывается в самой жизни». Это и есть эмпирический подход. А так как в наш век в жизни само собой не может складываться ничего путного и нового, то перестройка и буксует.

А.Н. Яковлев примерно 25 ноября 1989 г. сказал, выступая в Высшей комсомольской школе: «Говорят: нет чётко сформулированной, ясной цели перестройки, расписанной по дням и годам. Если это не просто лозунги, но и убеждение, то народ сам, в процессе жизни нащупает, выдвинет, достигнет искомого».

«Народ сам нащупает». Это – полный отказ от теоретической функции, упреждающей, прогнозирующей, открывающей сущность происходящего. У В.И. Ленина есть такое

высказывание: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая теорией» (см. Ленин В.И. ПСС, т. 6, с. 25. Курсив В.И. Ленина).

Установка на то, чтобы «учиться у жизни» видна и у Л.И. Абалкина, который в интервью «Советской России» 25 октября 1987 г. очень назидательно цитирует слова В.И. Ленина из статьи «К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции» о том, что необходимо переходить к хозрасчёту, к использованию материальной заинтересованности, к использованию товарно-денежных отношений. Л.И. Абалкин подчёркивает, что Ленин «заканчивает свою мысль очень характерными словами: «Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции». Посредством такого цитирования создаётся впечатление, что функция партии – лишь обобщение фактов и что прогностической эвристической теоретической функции просто быть не может.

Вот с какой интеллектуальной функцией мы имеем дело у инициаторов перестройки. Не всегда осознаётся, что эмпиризм по природе своей не может схватить сущность того, что «сказала» ему жизнь. И что значит: «жизнь сказала»? Как это она «сказала», если она просто состоит из немых фактов? А немые факты БЕЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ интерпретации – глупы. – «Глупо, как факт», – было любимой поговоркой Бальзака. – Одни и те же факты в различной исторической обстановке имеют совсем иной смысл. Тот же факт «личной материальной заинтересованности» в 1921 году и в 1991 году – это совсем иные по смыслу феномены. – О «личном материальном интересе» далее ещё будет особая речь, – насколько он – личный. – «Жизнь сказала» (ничего не формулируя теоретически, концептуально), а чтобы понять, – нужна особая способность теоретизировать – культура теоретического мышления – сила абстракции. Так что факты жизни можно понять и трактовать и так и этак...

А что сказала нам жизнь сегодня, в 1991 году? Разве она сказала нам: «Вводите рынок, и он ВСЕ ваши вопросы разрешит!»?

Это сказала не жизнь, а имеющиеся у людей в наличии **теоретические структуры сознания**, некритически почерпнутые из опыта Запада.

Но в том-то и дело, что мы (из-за преобладания у нас не теоретической, а эмпирической умственной рефлексии) плохо поняли опыт Запада, как, впрочем, и Запад понял самого себя, считая, что у них там – рынок. И действительно, рынок у них там получил полное развитие, полный разворот. Но при ИХ рыночной системе инстинктивно ли, интуитивно ли, или прагматически осознано, что в **ПРОИЗВОДСТВЕ при рынке, в организации** производства надо делать акцент не на рабочую силу (как у нас 73 года делала властвовавшая «партия рабочего класса»), а на **силу таланта**. Поэтому у них университетский профессор, способный создавать «профессорские схемы», имеет условия жить и работать как человек, а наш университетский профессор (и вообще – творческий интеллигент), не менее способный создавать «профессорские схемы», получает зарплату в три раза меньшую, чем шофёр, и живет далеко не лучшим и достойным таланта образом. А всё потому, что власти у нас не любят интеллектуалов – в силу «классового подхода»...

Так что рынок рынку – рознь. И для того чтобы у нас ввести ИХ рынок, пришлось бы у нас «ввести» и ИХ ИСТОРИЮ. А это невозможно, ибо из-за ставки на рабочую силу, а не на силу таланта, мы уже давно впали в «ситуацию отставания», в «ситуацию неопределённости, которая возрастает по экспоненте», о чём далее ещё необходимо будет сказать.

Если взять США, то эта страна экономически процветает за счёт постоянного **притока умов**, за счёт постоянного притока решительных, инициативных, поставивших перед собой реально осуществимые цели, людей, получающих в условиях демократии и свободы торговли статус ЛИЧНОСТИ предпринимательского типа.

Мы же впали в «застой» и «ситуацию отставания», потому что 73 года у нас провозглашалось, что рабочий класс – это самый передовой класс (безотносительно к мировым критериям прогресса!).

И это демагогическое прославление рабочего класса необходимо было правящей номенклатуре для того, чтобы властвовать и над народом, и над рабочим классом. А цели по благодетельствованию народа, которые при этом провозглашались, были фантастически нереальными (= коммунизм), недостижимыми в пределах жизни 7-8 поколений, хотя и казались истинными (иначе невозможно было бы понять их привлекательность).

Но всё это объяснение, при всей его правдивости, – всё же недостаточно фундаментально.

Чтобы разобраться фундаментальнее, надо начать с (хотя бы с первичного и потому – неполного) исследования феномена *производительности*, присущего труду, и с понимания источника *прибавочной стоимости*, к чему К. Маркс только прикоснулся, но отнюдь не сказал всего, что нас сегодня могло бы удовлетворить.

В третьем разделе IV главы «Капитала», т. I, говорится о том, что владелец денег находит на рынке специфический (волшебный, по существу) товар, потребление которого становится источником большей стоимости, чем он стоит. Этот товар – рабочая сила, а «потребление», о котором идёт речь, есть включение рабочей силы в процесс производства товаров в качестве специфической функции, участвующей в этом.

Блестяще написанный в стилистическом отношении конец этого третьего раздела главы IV, где раскрыта природа таких понятий, как свобода, равенство, собственность... и Бентам как носитель нравственности, согласно которой каждый заботится лишь о самом себе, – страдает тем не менее одним недостатком: соотношение капиталиста и рабочего представлено как робинзонада. Подобно сюжету в знаменитом романе Дефо, где жизнь на необитаемом острове персонифицирована как взаимодействие Робинзона и Пятницы, так и на заключительной странице этого раздела мы имеем только двух персонажей: многозначительно посмеивающегося капиталиста и понуро бредущего человека, который «продал на рынке свою собственную шкуру» и который «не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 187).

Этот сюжет, не дающий ни в коем случае многосложной картины процесса производства действительной жизни капиталистического общества, тем не менее, был воспринят в России после Октября 1917 г. – как раскрытие сущности и тайны капитализма и служил источником для подпитки классовой ненависти и «классовой борьбы». Надо отметить, что сам Маркс понимал «классовую борьбу» не как волевые действия субъектов, противостоящих друг другу в обстановке неравенства и зависти, а как **основное производственное отношение** капиталистического общества, которое складывается объективно, и в котором никто не виноват, ибо пока есть разделение труда и определяющие его материальные предпосылки, – классы неизбежны (см. т. 20, с. 293) и неравенство – тоже. Сам Маркс предупреждал в предисловии к своему главному труду 25/VII-1867 г., что хотя капиталиста и земельного собственника он изобразил далеко не в розовом свете, но в его исследовании дело идёт о лицах лишь постольку, поскольку они являются

олицетворением экономических категорий, носителями определённых классовых отношений и интересов, но отнюдь не злоумышленными творцами капитализма. Поэтому, – замечает Маркс, – с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остаётся, как бы ни возвышалось над ними субъективно. (См. т. 23, с. 10.)

По Марксу, следовательно, преодоление капитализма должно состоять в преобразовании самих материальных основ, которые складывались объективно, – прежде всего – системы разделения труда и *адекватной* капитализму системы технологии (см. т. 46, ч. II, с. 205). Но это не укладывалось в узколобой голове Сталина и в миллионах других голов, практически-эгоистическому рассудку которых *понимание* этого было чуждо (см. т. 13, с. 23, примечание). Отсюда и произошло, что преодоление классов было понято субъективистски, а классовая борьба – как субъективистские волевые действия, направленные против лиц и личностей, способных мыслить. Символом этой идеологии может служить скульптура И.Д. Шадра (1887-1941) «Булыжник – оружие пролетариата». Это предельно ясное выражение субъективистского (каменноболванного) понимания сложнейшего и противоречивейшего явления «классовой борьбы», в котором в сущности нет юридически или нравственно виновных и которое не может быть разрешено на уровне волевых действий. Чрезвычайно показательна в этом отношении сцена в романе М. Шолохова «Поднятая целина», объясняющая, для чего Макар Нагульнов изучает по самоучителю английский язык. Оказывается, он мечтает помочь английским товарищам в тот момент, когда в Англии начнётся пролетарская революция. Тогда (он видит себя, как) он спросит английского капиталиста: – Пил кровя из рабочего классу? – И хау ду ю ду, – Иначе говоря – «становись к стенке»!

Вот это самое «пил кровя» представляет собой психологическую ауру всей политики и всей экономической практики советского общества после Октября 1917 года под руководством Сталина и его последователей. Раскулачивание, колхозы, истребление крестьянства при помощи искусственного голода 1933-34 годов, истребление интеллигенции, процессы «вредителей» и т.д. вытекают из представления о том, что рабочий класс при капитализме, продающий свою рабочую силу и вынужденный её продавать и после революции – как товар – это *страдалец*. В свете таких (страдательных) представлений о рабочем классе – социалистичность социалистической революции вырисовывалась в сознании её вершителей (Макаров Нагульновых, Швандей и т.п., которые закончили гражданскую войну и приступили к «социалистическому строительству») – как *компенсаторная политика*. Рабочему классу **стремились компенсировать** его страдательную функцию рабочей силы (функцию шкуры, которую в производственном процессе непременно станут дубить) – посредством экономического волюнтаризма: низких цен на продукты питания и на ширпотреб (что основано было на политике государственных дотаций), преимущественного положения рабочих в политике зарплаты (когда рабочий получает больше инженера или доцента вуза), практику, когда на всякие хищения на предприятиях смотрели «сквозь пальцы» (и о чём Л.И. Брежнев высказался в том духе, что если рабочий получает мало, то это компенсируется практикой «несунов»).

В конце концов это означает своеобразную **«отмену» действия закона стоимости**. И впоследствии наступил развал экономики (названный «застоем»: у нас всегда стремятся смягчить термины), ибо уже при Брежневе на рабочих местах появилась водка (утром опохмелялись, а в обед уже дозу принимали «в полной мере»).

Характерно, что в 60-е годы появилась формулировочка, что рабочая сила у нас уже перестала быть товаром, ибо рабочий класс, находящийся-де у власти, не может же продавать

рабочую силу самому себе. При помощи таких вот софистических (и субъективистских: кто кому что продаёт) вывертов пытались доказать, что коль рабочая сила не товар, то у нас – социализм. Но при этом никуда невозможно было уйти от того факта, что **рабочее время** по-прежнему оставалось **субстанцией стоимости**, и что, следовательно, закон стоимости не был и не мог быть преодолён, а произошло лишь искажение его действия посредством волонтаристской политики цен, политики «выводиловки» зарплаты, политики волевого распределения (снабжения), планирования и накопления.

В целом об этой практике можно вполне уверенно утверждать, **что как экономическая практика – она шла ниже закона стоимости**, – а ведь этот закон составляет логическую ось оптимального движения всякого общества, основанного на разделении труда. Если теперь, с этой точки зрения, осмыслить задумки перехода к рынку, которые у нас сегодня составляют существо экономического реформирования нашей хозяйственной деятельности, то сущность реформы состоит в том, чтобы поднять экономическую практику **на уровень** закона стоимости, использовать его в качестве регулятора всей системы отношений. И большего эти реформы дать не могут. А как же быть с тем отставанием, которое накопилось за 73 года?? Это очень важный вопрос, потому что США, Япония, ФРГ и другие развитые страны смогли организовать свой экономический процесс так, что он шёл *выше* возможностей, даваемых законом стоимости. И если мы теперь «введём рынок», как у нас говорят, то мы всё равно окажемся в «ситуации отставания», в «ситуации неопределённости, возрастающей по экспоненте».

Разница между НАМИ и ИМИ состоит в том, что мы делаем ставку на рабочую силу и, по инерции, всё ещё на рабочий класс, полагая и сегодня, что всё дело в рынке, как таковом, то есть – в том, что товар – всему голова, и что: и рабочая сила – товар, и сырьё – товар, и средства производства – товар и что, следовательно, главная задача состоит в том, чтобы подчинить все эти феномены действию закона стоимости... А этот закон всё вывезет и всё обустроит... А что же у них? Они, не отвергая значения и действия закона стоимости и динамических свойств рабочей силы (которая есть товар!), не могут не считаться с феноменом личности товаровладельца (значение которой у нас совершенно нивелировано под влиянием **объективистского понимания действующих в обществе сил**) и ПОЭТОМУ делают преимущественный акцент на *силу таланта*, на личность человека, которого почитают ещё и как духовное существо... – В этом отношении та практика организации процесса производства общественной жизни, которая сложилась на Западе, как бы откликнулась на упрёк Ф. Энгельса о том, что «согласно взглядам экономиста» в организации производства в конце концов учитываются «только две стороны: природная, объективная – земля, и человеческая, субъективная – труд» (как функционирующая рабочая сила – Н.Н.). Но есть «ещё нечто третье, о чём экономист и не думает, – пишет Ф.Энгельс, – я имею в виду, наряду с физическим элементом простого труда, *духовный элемент изобретательности, мысли*. Какое дело экономисту до духа изобретательности? Разве все изобретения не достались ему без его участия? Разве хоть одно из них *стоило* ему чего-нибудь? К чему же в таком случае ему беспокоиться о них при исчислении своих издержек производства? Для него условиями богатства являются земля, капитал и труд и больше ему ничего не надо. – (При этом – капитал – это накопленный труд. – Н.Н.) Ему нет дела до науки... успехи науки выходят за пределы его *подсчётов*» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 1, с. 554-555. – Курсив мой. – Н.Н.).

Эта характерная особенность мышления старых экономистов, отмеченная Ф. Энгельсом почти 150 лет назад (в 1844 г.), когда издержки производства состояли из двух элементов и не учитывалось «нечто третье, о чём экономист и не думает», – присуща сегодня и нашим экономистам. Особенностью развития экономики страны в наш советский период было то, что

«духовный элемент изобретательности, мысли» не входил ни в планирование производства, ни в его организацию, прогнозирование. У нас даже был написан роман о муках изобретателя, стремящегося предложить и внедрить новую технологию («Не хлебом единым» В.Д. Дудинцева). Сам этот художественный факт говорит, насколько у нас эта проблема актуальна.

В противоположность этой устойчивой ситуации, западные предприниматели уже давно осознали роль изобретательности и науки в организации производства. Более того: в том-то и состоит **«изюминка» философии эпохи**, что западная предпринимательская мысль сумела включить *силу таланта*, элементы изобретательности и творческой мысли, стремление к новаторству в систему строго экономическую, **в которой всё оценивается по стоимости** и движется под влиянием стоимости, и это несмотря на то, что талант *не имеет стоимости*, не воплощает в себе её духа и движущих сил её динамики. Талант формируется совсем другими отношениями: не стоимостными, а ценностными.

Производство же товаров целиком вписывается в систему стоимостных (= экономических) отношений. Талант же принципиально не вписывается в эти отношения. В этом и состоит казус (сложность) нашей эпохи. Но если мы заинтересованы в развитии **силы таланта** и хотели бы этому содействовать, то следовало бы отдавать себе отчёт, что экономические отношения обладают мощной репродуктивной силой и определяют тягу к заикленности экономических отношений на их воспроизводство как товарных (стоимостных) отношений. Тем самым создаётся тенденция к консервированию экономически детерминированной стадии истории. И таланту становится невозможным пробиться у нас через эту косную, антигуманную систему, в которой вещи господствуют над людьми... если талант не согласится подчинить себя товару и выступить *лишь* в облике товарореализующегося феномена.

При сугубо экономической организации производства общественной жизни – живой труд подчиняется накопленному труду, деятельность подчиняется собственности, дух творчества подчиняется духу стяжания, природа (биосфера) и человек рассматриваются лишь как *средство* достижения утилитарно-меркантильных целей. И если Запад обеспечивает условия для развития *силы таланта*, то это значит, что ТАМ мы имеем дело НЕ с сугубо экономической организацией социума, а с чем-то более сложным в смысле действующих фундаментальных (базисных) отношений.

В этом факте (не сугубо экономической организации западного социума) перед нами возникает проблема ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ – вопрос о том, что это такое, какова природа *производительности*, которую просто называют «производительностью труда» и *подразумевают ПРИ ЭТОМ труд, производящий товары*, т.е. – экономический процесс.

Прежде всего надо напомнить, что есть природная, естественная, исторически первичная производительность, выражающая себя как плодородие почвы, как созидательные и воспроизводительные процессы флоры и фауны, в целом – это биосферный, экологически детерминированный процесс.

Есть ещё и социальная, точнее – социокультурная производительность, выражающаяся в том, что люди создают социокультурные ценности (модели управления, целеполагания, создают изобретения, делают открытия, поднимают последующие поколения на уровень достигнутой культуры, осуществляют медицинскую и санитарно-гигиеническую деятельность и т.д. и т.п.). Все эти три исторических типа *производительности* потому и историчны, что возникают последовательно: природная, экономическая, социокультурная. И, возникая последовательно, они образуют интеграционный процесс: более поздние **вбирают** в себя

предшествующие, но при этом не утрачивают своей исторической специфики (своих функциональных свойств).

Самым существенным моментом для оценки этих трёх типов производительности является то, что **экономический тип органически сопряжён со стоимостными отношениями, оценками и стимулами**, а социокультурный тип производительности **В ПРИНЦИПЕ НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ СТОИМОСТИ** (как и естественный тип, который производит чистые потребительные стоимости). Второй по важности момент заключается в том, что вовлечение социокультурных феноменов в сферу экономической деятельности необыкновенно повышает производительность труда, производящего товары, хотя **сами эти социокультурные феномены не являются экономическими по природе своей**, ибо они – из другой исторической эпохи и представляют собой **МЕТАСИСТЕМУ** по отношению к экономической системе организации жизни. Третий момент состоит в том, что экономическая система, **БЛАГОПРИЯТСТВУЯ ТОВАРУ** жить и подчинять себе все жизненные силы природы и человека, **НЕ ориентирована НЕПОСРЕДСТВЕННО** на развитие изобретательства, творчества, мысли и новаторства, а только в той мере, в какой это надо для производства товаров. В такой системе складываются связи, при которых товар господствует над талантом, меновая стоимость – над ценностью, и мир постепенно движется к катастрофе под музыку песенки о том, что он «удовлетворяет интересы и потребности трудящихся».

Это и подлежит исследованию и осмыслению при осмыслении «введения рынка», ибо у нас эта доминанта вещного начала над человеческим скажется очень скоро – при нашей общей отсталости в культурно-производственном и культурно-жизнейском отношении – в сравнении с Западом, при нашей нехватке товаров. **Мы всё время будем отставать в смысле развития талантов и способностей, если не увидим, что – в этом главный момент перестройки, и реформ – как её продолжения, если не выработаем систему компенсации этого нашего отставания.**

А в таких обстоятельствах – ставка на экономику (на рынок), **на экономические методы подъёма экономики** (что само по себе является *тавтологическим* построением мышления о реформах и перестройке и потенциально содержит в себе методологический тупик!) никогда не сможет оправдать себя. В ней нет необходимого универсализма.

Если мы ставим **на товар, а не на талант** как на **первичное начало** (и если, следовательно, мы не анализируем те «тектонические литосферные плиты», которые формируют силу товара и силу таланта) то это означает не что иное как заикленность мышления на такие материальные жизненные отношения, которые генерируют подчинённую роль человека и таланта – функционально господствующему товару. Это обнаруживает непонимание того, *что* нам делать, чтобы преодолеть противоречия исторически сложившейся «ситуации отставания».

Всё дело в том, что товар, – особенно когда он главенствует, – не обладает гуманистической инициативой, т.е. не ориентирован на развитие талантов как на доминирующую функцию. Поэтому *глубинный* смысл реформ как продолжения перестройки состоит не в том, чтобы просто перейти к рынку, к господству товарно-денежных отношений, а в том, чтобы перейти к рынку **при доминирующей роли отношений развития талантов**. Иначе ситуация отставания не будет преодолена!

Дело в том (если мы хотим, чтобы наша жизнь приобрела смысл), что надо, – хотя бы для начала, – инициативной части общества изменить в себе социально-исторический ТИП общественного сознания (от утилитарно-меркантильной ориентированности перейти на установку

гуманистической ориентированности) и затем – выработать в широких кругах общества иной, чем ныне (не потребительский, а созидательный), МЕТОД мышления о нашем социуме. Только так можно наполнить термины «перестройка» и «реформа» действительно жизненным содержанием.

Я не знаю, из каких методологических установок исходила Комиссия по выработке Программы КПСС (может быть, она вообще не утруждала себя теоретическими постулатами, как это нашёл нужным сделать Джордж Сорос в своей книге «Советская система: к открытому обществу»), но сегодня без глубокой теории нельзя... Эпоха определяется «тектоникой литосферных плит социума» – столкновением *силы товара* и *силы таланта*...

1. Марксова робинзонада о владельце денег и владельце рабочей силы, которую будут дубить, сегодня выглядит, конечно, «дубовато», потому что реальные жизненные отношения неизмеримо сложнее и тоньше.

Но составители проекта Программы не смогли удержать даже того теоретического уровня, который дан в «Критике Готской программы», где разговор начинается с понятия труда (с понятия фундаментального), с замечания о том, что труд *не есть* единственный источник всякого богатства и что природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы...⁵

Но это было написано в 1875 году, т.е. – более 115 лет назад. С тех пор в понимании феномена труда и богатства должны были бы произойти изменения (приращение новых знаний), с которых и следовало бы начинать строить концепцию программы прогрессивной (= жизнеспособной) партии. Однако, этих приращений ни в понимании труда, ни в понимании богатства, ни в концептуальном осмыслении технологии НЕ ПРОИЗОШЛО. Мы по-прежнему знаем лишь вещественное богатство и не знаем социально-ценностного богатства! Сам проект Программы построен на уровне обыденного сознания и, следовательно, на научность не претендует. И этим – всё сказано!..

Однако в современном мире развились информационные технологии, очень сильно влияющие на формирование социально-ценностных отношений и на развитие человека. Этот самый человек всё больше перестаёт быть рабочей силой (как одной из сил природы, работу которой допустимо было оценивать в килограммометрах) и должен рассматриваться ЕЩЁ И как воплощение специфических социальных сил, социально-культурных отношений – как «произведение» не просто биоты, не как порождение потребительски ориентированного общества, а как порождение и проявление социума, ориентирующегося на формирование новой социально-исторической формы богатства, которая – как новая целостность богатства – не может возникнуть в условиях товарного фетишизма. – В том-то и состоит *недостаточность* сегодняшних проектов реформирования экономики экономическими методами, что при этом упускают из виду *товарный фетишизм!* –

Сегодня в реформаторских проектах подход должен быть таким, чтобы человека поставить не просто как носителя рабочей силы, – а это означает, что человек рассматривается как воплощение рабочего времени и не более того, – но необходимо включить в рассмотрение и разрешение проблемы человека ВСЁ время и **вывести из этой полноты времени жизни человека**

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 13.

весь его потенциал. Иными словами, кроме организации рабочего времени (как экономического времени, как времени производства товаров) необходима организация **всего** времени: сомкнуть время производства товаров и время производства талантов. И прежде всего отнестись к человеку как к феномену, в котором начато и организовано развитие талантов и способностей. **Чтобы вывести страну из исторического (а не из экономического только!) кризиса, необходима громадная работа:** в рамках 8-часового рабочего дня, в рамках экономического времени вырвать страну из пропасти невозможно. Поэтому необходима работа в сфере свободного времени (работа систематическая и чётко организованная) по развитию способностей и талантов! Эта работа потребует до 30 часов в неделю – сверх рабочего времени!

Но такая серьёзная работа предполагает совершенно определённую технологию, и уж, как минимум, – определённую технологическую установку – **технологическую концепцию для сферы вне рабочего (неэкономического) времени,** которое следовало бы назвать *гуманистическим* временем, или – социокультурным временем.

Речь должна идти о социальных технологиях, об информационных технологиях, о биологических технологиях, реализующих законы высших форм движения материи и о психологических технологиях, реализующих законы функционирования духа. – В этой связи надо полагать, что XXI век будет веком психологии и психологической науки. Но всё это надо делать – в связи с развитием гуманитарных наук и науки о живом, наук о биосферном комплексе реальных отношений!

И если перспектива такова (а она именно такова!), то это значит, что мы должны осознать, что эпоха требует от человека не только мускульных функций, **но и функций культуры одухотворённых действий,** которые не возникают и не могут возникнуть в сфере стоимостных отношений, в сфере потребительской ориентации личности. **Ибо эти функции НЕ могут быть приравнены к стоимостному эквиваленту... и вызваны им!** Таким образом, перед нами вырисовываются «две тектонических плиты» (пока только две) **СОВРЕМЕННОГО** социума: **товар** как рабочая сила, имеющая стоимость, и **культура** (таланты, способности), *не имеющие стоимости.* От этого-то и надо «танцевать» в теории, если мы хотим что-то существенное понять в современной эпохе... *кто бы ни составлял программу на будущее!*

2. *Природа.* У Маркса этот фактор даже более фундаментален, нежели **труд, производящий товары.** – И о Марксе здесь речь идёт не как о догматическом идоле, а как об определённом синтезе предшествовавшей ему науки. – Когда Маркс подчёркивал, что **рабочая сила** (а её функционирование и составляет **труд, производящий товары!**) – это одна из сил природы, то в эпоху возникновения глобальных экологических проблем **НЕВОЗМОЖНО** создание фундаментально обоснованной программы серьёзной партии или демократического движения, *если НЕ УГЛУБЛЯТЬСЯ* до понимания, с одной стороны, **рабочей силы** как символа прошлой исторической эпохи, когда общество и производство были основаны на меновой стоимости, а – с другой, – природы как источника потребительных стоимостей.

3. В связи со сказанным в пункте 1 **сегодня уже нельзя произносить слово «ТРУД», не вкладывая в него нового смысла.**

Экономисты знают только **труд, производящий товары,** и, следовательно, – имеющий двойственный характер, так как товар имеет две стороны: потребительную стоимость и меновую стоимость.

Но жизнь, эпоха вводит в обиход то, чего не замечают наши уважаемые экономисты: ТРУД, производящий, помимо указанных двух сторон, ещё нечто третье: таланты, становящиеся сегодня массовым явлением – под влиянием факторов культуры и высокой степени коммуникабельности людей.

Таким образом, правомерно говорить о труде, имеющем тройственный характер. И его появление связано с использованием технологий, которые должны быть названы *органическими*. Эти технологии могут быть названы ещё и «высшими», так как представляют собой реализацию высших форм движения материи в их технологическом исполнении.

Нечто о философии технологии

Сегодня в социальной философии и прежде всего в политической экономии неосознано и недооценено (чтобы не сказать – проигнорировано) то обстоятельство, что технологии могут быть не только механическими, физическими и химическими, которые имеют дело с мёртвым веществом. Но могут быть осуществлены ещё и технологии, реализующие законы высших («живых») форм движения материи. Их-то и следует назвать высшими технологиями. И если та историческая стадия культуры, которая связана с использованием механико-физико-химических технологий, привела к возникновению труда, производящего товары (и, следовательно, – стоимостных отношений), то грядущая стадия культуры приведёт к становлению труда, имеющего тройственный характер, и этому становлению нашему обществу необходимо интенсивно помочь. И вопрос о технологиях является здесь ключевым!

В основе «высших технологий» надо разглядеть и наладить функционирование законов биологических наук, социальных наук и психологических наук. Соответственно, в некотором приближении к сути дела, можно говорить о биотехнологиях, о социальных технологиях, реализующих законы и знания гуманитарных наук, и о технологиях интеллектуальных (логических), например, искусственный интеллект, в частности, и технологиях психологических, имеющих дело с феноменами духа, психики, подсознания... Все они связаны с социальными процессами, с их регулированием и интенсификацией на основе многообразного гуманитарного знания.

Технологию можно определить как способ извлечения и использования вещества, энергии и информации (а также – как способ использования «социальной материи» и её духовных функций) для получения потребительных стоимостей в вещественной, энергетической форме и в информационном проявлении, а также для получения ценностей, порождаемых гуманистически ориентированным социальным процессом.

Если технологии, проявляющиеся как способ извлечения и использования вещества, энергии и информации, хорошо известны в их механико-физико-химических проявлениях, то технологии, связанные с использованием феноменов «социальной материи» и её духовных функций – не рассматриваются пока как системные и систематические формы целенаправленной деятельности и не оцениваются *пока* (из-за косности понимания технологии) с точки зрения их прикладной эффективности и социальной ценности, хотя феномены этих технологий и применяются практически в организации социальной жизни. Задача состоит в том, чтобы расширить и углубить наш взгляд на технологию, включив сюда и «высшие технологии», ибо именно с их использованием можно рассчитывать на преодоление «ситуации отставания».

4. В соответствии с разделением технологий на органические и неорганические (на высшие и низшие) естественно говорить о высшей и низшей производительности труда. До сих пор с этими понятиями дело обстояло таким образом, что когда говорили: «высшая производительность труда», то подразумевали *большую* производительность *товаропроизводящего* труда.

У Ленина, как известно, коммунизм определялся как «высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединённых, использующих передовую технику, рабочих» (см. ПСС, т. 39, с. 22).

И до сих пор в этом определении «высшая производительность» понимается как «большая». И этот феномен, во-первых, никогда не связывался с высшими технологиями (в указанном здесь смысле) и, во-вторых, с тем, что при высшей производительности производятся не просто товары, имеющие двойственную определённость (= меновую и потребительную стоимость), а ещё и высшие ценности: а) высший тип труда, состоящий в производстве общественной жизни творческого типа; б) таланты людей; в) производство такого отношения к природе, при котором она не претерпевает экологического ущерба – не снижает своей способности быть источником потребительных стоимостей.

Но ведь никто же у нас о высшей производительности труда так не думает! Обдумывающие *стратегию* перестройки «не усекли», что речь должна идти о производительности труда нового типа, труда, имеющего тройственный характер! Мысль продолжает двигаться в русле *товаропроизводящего* труда. И *обратные связи* товарно-фетишистского типа, связанные с этим товаропроизводящим трудом, никем не приняты во внимание! Обычная картина: при осмыслении современных жизненных реальностей мобилизуют то образование, которое было и есть в распоряжении наших вузов. И, не утруждая себя перевоспитанием своего собственного интеллекта **в духе «прививки» ему новой рефлексии и силы абстракции, адекватной тому новому, которое мы должны хотеть создать (и постичь!), мы продолжаем преспокойно рассуждать по-старому!**

И наш уважаемый Президент СССР М.С. Горбачёв, с подачи своих уважаемых помощников и консультантов, продолжает утверждать, что единственный способ вытащить страну из её нынешнего необустроенного состояния – это «переход к рынку». При этом вся аргументация и «вся теория» у всех авторов, пишущих на эту тему (публицистов, экономистов, политиков, политологов, юристов), ограничивается этими **двумя словами**: «переход к рынку». Невольно хочется воскликнуть: «Очнитесь, сограждане!» Сложнейшая страна, сложнейшая история, сложнейшая ситуация, и – никакой теории! И – полное отсутствие потребности в адекватной теории!

Это какой-то тихий ужас! Это – неосознанный кошмар! Это – то самое состояние, о котором сказано, что если бог захочет погубить кого-то, то прежде всего отнимет разум! То самое состояние, но у нас никто не заметил этого!

Уважаемый помощник Президента Г.Х. Шахназаров опубликовал в этом году в двух номерах журнала статью «В поисках утраченной идеи. К новому пониманию социализма» (см. «Коммунист», 1991, № 4 и №5). В этой статье есть такое высказывание: «Если читатель предполагает, что вместо устаревших схем автор предложит новую, то такие надежды напрасны. У меня нет общей теории, и я не уверен, что она вообще когда-нибудь будет создана. Впрочем, кто знает...» («Коммунист», 1991, № 5, с. 18).

Ничего себе ситуация в интеллектуальной сфере: верхи не знают, как управлять по-новому!.. И не верят, что теория может быть создана!

4. А. Эйнштейн и Эрих Фромм о социализме

Поэтому на таком интеллектуальном фоне невольно удивляет, что Альберт Эйнштейн ещё в 1949 году сказал, что экономическая наука может пролить очень незначительный свет на социалистическое общество будущего (см. его статью «Почему социализм?», опубликованную в журнале «Коммунист», 1989, № 17, с. 96). Великий физик XX века, обладая философским складом ума и независимостью суждений, не был ослеплён предрассудками в отношении к «экономическому фактору», как это характерно для многих наших почтенных современников. Он видел, что «экономическая эффективность» по своей природе является хищнической и связана с завоеваниями – с захватами монопольного права владеть землёй и с идеологическим вдалбливанием этого «права» в человеческие головы. «Священники, – пишет А. Эйнштейн (а священники – это и есть идеологи. – Н.Н.) – контролируя образование, превратили классовое деление общества в постоянный институт, создали систему ценностей, которой люди с тех пор, в основном *неосознанно*, руководствуются в своём социальном поведении» (см. там же. Курсив мой. – Н.Н.). А. Эйнштейн, ссылаясь на Торстейна Веблена (1857-1920), называет эпоху экономических отношений, – а она охватывает несколько тысячелетий классового общества, – «грабительской фазой» развития человечества. И поскольку, по Эйнштейну, смысл социализма состоит в том, чтобы «преодолеть» грабительскую фазу, – то законы, относящиеся к этой фазе, экономические факты, которые мы наблюдаем и которые относятся к этой фазе (и только к ней! – Н.Н.), – «не применимы ни к одной другой фазе» (см. там же). И не должны рассматриваться как применимые вне пределов этой фазы! – А у нас их ведь стремятся применить к социализму! –

Если мы рассматриваем перестройку как процесс становления гуманистического общества (как созидательную революцию!), то естественно, что такое становление немислимо основывать на законах «грабительской фазы» человеческой истории! – Вот тот логически-корректный ход мысли, который нам надлежит усвоить, если мы хотим ПОНИМАТЬ то, что с нами происходит. – Немислимо *перестроиться*, НЕ договорившись, что для этого надо суметь опереться на социально-исторические законы более высокого порядка, чем законы экономические! Иными словами, мышлению (= методологии понимания) надо придать *историзм*, возвысить логическую рефлексию на новый исторический уровень, ибо перестройка – это новая МЕРА прогресса – новая ступень истории, требующая от нас нового уровня компетентности и, следовательно, – оснащённости мыслительного процесса системой новых категорий и ценностных парадигм.

Сейчас этого *историзма* нет, все продолжают мыслить по-старому, т.к. наше общество под влиянием экономистов смотрит на наше будущее из прошлого («снизу вверх»), и видит его лишь в экономических параметрах как нечто громадное и товарное («огромное скопление товаров» – словосочетание, с которого начинается замысел «Капитала» К. Маркса).

Но для полноты понимания нашего состояния, наших задач и способов их решения необходимо суметь посмотреть ещё «сверху вниз», т.е. из будущего на наше настоящее (отчего оно станет прошлым). И тогда ТО, что сегодня представляется таким пугающе громадным и неведомо-сложным приобретёт действительные размеры, впишется в действительный исторический масштаб. А сверх того (по принципу: «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны») мы сможем теоретически «проанатомировать» эту самую «обезьяну» – предстоящие нам перестроечные процессы – с позиции «логики строения человека», то есть с позиции

«структуры» (или «химизма») того неординарного БУДУЩЕГО, к которому объективно стремится человечество. Сегодня наоборот все стремятся не преодолеть законы «грабительской фазы», а – применить их к созиданию общества, для которого эти законы чужды. Из-за того что методология перестройки трактуется *экономически* (через развязывание динамики товарно-денежных отношений), питать надежду, что экономическое принуждение радикально излечит пороки нашего хозяйствования, а конкуренция между производителями развяжет инициативу, – можно только В СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСЛЕПЛЕНИЯ. Именно из-за этого ослепления никто у нас в печати не только не выступил против таких рецептов реформирования нашей системы, но даже не высказал достаточно аргументированного сомнения по этому поводу. – А всё из-за того, что никто не знает, КАКОВО то БУДУЩЕЕ, которое объективно грядёт, если мы этому субъективно и компетентно поможем. – Громадная страна опутана тенётами иллюзий, будто в конце XX века возможно **на основе меновой стоимости и денег** придти к такому состоянию социума, когда каждый индивид не продавал бы собственную шкуру, как товар, зная, что купивший её тут же станет её дубить, чтобы извлечь прибыль, ибо всё держится на основе меновой стоимости и денег. Страна ввергнута в состояние гносеологического парадокса, когда на основе общественного сознания, сформированного прошлым, традиционным общественным бытием, предстоит познать будущее нетрадиционное состояние общества. – Не поддаваясь никаким иллюзиям, Альберт Эйнштейн прямо заявлял, что «неограниченная конкуренция приводит ко всё большей растрате труда и таким образом уродует социальное сознание личностей» (см. там же, с. 100).

«Это уродование личностей, – заявлял А. Эйнштейн, – я считаю самым большим злом капитализма» (см. там же).

И вот теперь у нас, из-за того что возобладали «философия колбасы» и отсутствует понимание, что дух эпохи состоит в абсолютном выявлении творческих дарований человека, – никто не видит этого зла уродования человеческих личностей из-за «колбасы», ибо возобладали одностороннее видение реальности: утилитарные цели настолько овладели психологией наших уважаемых экономистов, а через них и психологией масс, что совершенно подавили цели гуманистические.

Это неизбежно приведёт к тупику всю нашу политику, основанную на экономизме.

Словом, мы как страна, как система, которую мы породили и которая нас переродила по своему образу и подобию, всё ещё никак не отдадим себе отчёта, что это наше перерождение в «декларативный социализм» происходило на почве экономических отношений и экономических законов, которые **были лишь искажены**, но не преодолены. И мы всё ещё не уразумели, что действительный социализм, а точнее сказать, БУДУЩЕЕ требует не употребления экономических законов (и не их искажения в духе монополизации собственности на средства производства), а – вообще диалектического снятия экономических законов (их «отрицания отрицания»). А это значит, что для социализма, т.е. для БУДУЩЕГО необходим примат деятельности над собственностью, примат ценности таланта над стоимостью рабочей силы и, тем самым, переход системы **в новое историческое пространство**, в котором экономические законы хоть и действуют, но не господствуют, ибо там должны доминировать гуманистические законы. А это значит, что в таком обществе ассоциированию усилий людей **ради** абсолютного выявления, развития и реализации творческих дарований человека придаётся неизмеримо большее значение, чем совершенствованию разделения труда **ради** производства товаров. Только такой подход может примирить наш народ с реформой, которую пытаются у нас провести под влиянием наших

уважаемых экономистов, которым в общем-то чужд, как это ни грустно признать, историзм мышления при осмыслении реформ.

В июле 1991 г. у нас в стране была опубликована глава⁶, озаглавленная словом «социализм», из книги Эриха Фромма «Пути из больного общества». «Больным обществом», как известно, в 50-е и 70-е годы американцы называли своё общество. Естественно, что появление термина «больное общество» есть свидетельство определённой социально-философской атмосферы, есть свидетельство поиска путей из того состояния, в котором господствует капитализм. Естественно, что в такой атмосфере социально-философских поисков один из самых знаменитых гуманистов Эрих Фромм не мог пройти мимо социалистической теории, которую он рассматривает в качестве одной из трёх форм «великой критической реакции на капитализм». При этом Э. Фромм рассматривает тоталитаризм гитлеровского и сталинского толка как одну из форм критической реакции на капитализм, а суперкапитализм, организовавший процедуру участия трудящихся в прибылях, – как вторую критическую реакцию на капитализм. Но так как ни тоталитаризм сталинско-гитлеровского толка, ни суперкапитализм с его участием в прибылях тех, кого эксплуатируют, не удовлетворили взыскательный интеллект Эриха Фромма, он обращается к фундаментальному рассмотрению истории теории социализма в лице всех его адептов, включая и Карла Маркса. Это весьма примечательное отношение Э. Фромма к социализму: как подлинный учёный он полагает, что истина социализма как одной из великих критических теорий современности не может быть получена сразу и в окончательном виде.

Э. Фромм отмечает: «Иррациональная реакция на «социализм» и «марксизм» усиливается благодаря удивительному невежеству тех, кого эти слова повергают в истерику...» «большинство наиболее ожесточённых противников социализма и марксизма никогда не читали Маркса, другие же имеют лишь самое поверхностное представление о его учении. Едва ли можно предположить, чтобы знающие и разумные люди могли настолько исказить идеи марксизма и социализма, как это случается теперь на каждом шагу», – писал Э. Фромм. Книга вышла в Нью-Йорке в 1955 г. и в Вене и Берлине в 1981 г.

Даже многие либералы и люди свободные от истерической реакции считают, что в основу марксизма положена идея об интересе к материальной выгоде как наиболее активной силе в человеке, которая пытается удовлетворить стремление к материальному благополучию, – отмечает Э. Фромм. Однако, – продолжает он, – если вспомнить, что главным аргументом в пользу капитализма является идея о материальной выгоде в качестве основного стимула, то мы сразу поймём, что материализм, который приписывают социализму, есть как раз характерная черта капитализма».

По этому вопросу нельзя не напомнить, что у нас уже многие десятилетия муссируется тезис о материальной заинтересованности как адекватная социализму установка. Даже наши академики от политической экономии считают эту установку применительно к социализму естественной и само собою разумеющейся. Таков уровень глубины сложившегося у нас понимания социализма! А, следовательно, будущего.

Совершенно прав Э. Фромм в характеристике Сталина, говоря, что «Сталин злоупотреблял понятиями социализма и марксизма в своих пропагандистских целях». «Он оторвал чисто экономический аспект социализма, национализацию средств производства, от его общей

⁶ См. «Коммунист», 1991, № 11.

концепции и, напротив, извратил его гуманные и социальные цели. Несмотря на национализацию средств производства, сталинская система в её нынешнем виде, вероятно, гораздо ближе к чисто эксплуататорским формам раннего западного капитализма, чем к какой-либо мыслимой идее социалистического общества. Её (сталинской системы. – Н.Н.) главными движущими силами являются неизбежное стремление к промышленному прогрессу, беспощадное пренебрежение к индивиду и жажда личной власти. Согласиться с тезисом, что социализм и марксизм более или менее идентичны со сталинизмом, означает оказать величайшую услугу сталинской пропаганде» (см. «Коммунист», 1991, № 11, с. 28).

Самым впечатляющим моментом опубликованной у нас главы Э. Фромма является её заключительный абзац:

«Любой социализм следует рассматривать с точки зрения человека и задаваться вопросом, каким образом социалистическое общество может покончить с отчуждением человека и идолопоклонством в отношении экономики и государства» (с. 38).

Вот этого идолопоклонства в отношении экономики у нас, по-видимому, никто не видит и не понимает: уровень мышления столь низок, столь примитивен, что никто, заведомо, не в силах преодолеть его и выйти из «поля тяготения» экономических парадигм.

И ещё из того же абзаца: «Своей критикой, изложенной на предыдущих страницах, я, – пишет Э. Фромм, – прежде всего хочу указать на необходимость обращения демократического социализма к человеческим аспектам социальной проблемы. – **(Наши политологи и публицисты обращены исключительно к экономическим аспектам социальной проблемы. – Н.Н.)**. – Он должен сконцентрироваться на критике того зла, которое капитализм причиняет гуманным качествам человека, его душе и его духу» (с. 38).

Теперь нельзя не сказать о критике Э. Фромма в адрес Маркса.

1. «... Маркс хоть и выступал за децентрализацию и видел в отмирании государства цель, которую должен преследовать и в конечном счёте достигнуть социализм, в то же время он придерживался мнения, что это может произойти только *после того*, как рабочий класс придёт к политической власти и преобразует государство, но никак *не ранее*. Захват государственной власти был для Маркса необходимым средством для достижения цели устранения государства» (с. 33).

Это, несомненно, крупнейшая ошибка Маркса, ибо эта ошибка *методологическая*, ибо ликвидация государства ставится в зависимость от воли субъектов, пришедших к власти. **Это – субъективизм**. А почему, собственно, следовало предполагать, что «рабочие», пришедшие к власти, и которые, к тому же, «в экономическом, умственном и нравственном отношении» (как сказано в «Критике Готской программы» самим Марксом!) сохраняют ещё родимые пятна старого общества, из недр которого они вышли, – захотят уничтожить государство?! Несомненно, что в данном случае Маркс идеализировал «рабочих».

Но вернёмся к аргументам Э. Фромма: «Этот центризм Маркса в конечном итоге стал причиной трагического развития социалистической идеи в России. В то время как Ленин по крайней мере надеялся, что в конце концов дело ещё может дойти до децентрализации, – идея, которую со всей очевидностью можно распознать в концепции Советов... сталинизм развил другую сторону этой противоречивой позиции – принцип централизации, доведя его до

практики самой беспощадной государственной организации, какую когда-либо знал мир и которая была более централизованной, чем даже фашизм и нацизм» (с. 33).

Да что там сталинистская централизация: даже сегодня (конец августа 1991 г.) большинство депутатов нашего парламента убеждено что политическая власть, политические и юридические решения, которыми они занимаются, представляет действительный РЫЧАГ предполагаемых преобразований общества. – Это – опять-таки – политический и юридический идеализм!

Но вернёмся к Э. Фромму: «Противоречия у Маркса гораздо глубже, чем это нашло своё выражение в противоречащих друг другу принципах централизации и децентрализации. С одной стороны Маркс, как и все другие социалисты, был убеждён, что эмансипация человека является в первую очередь не политическим, а экономическим и социальным процессом, что решение проблемы свободы следует искать не в преобразовании политической формы государства, а в экономических и социальных преобразованиях общества. С другой стороны, несмотря на собственные теории, Маркс и Энгельс во многих отношениях придерживались традиционного взгляда о преобладании политической сферы над социально-экономической. (У Ленина это было даже возведено в принцип первенства политики перед экономикой! – Н.Н.). Они не могли освободиться от традиционного представления о важности государства и политической власти, от идеи первичности чисто политических перемен, которая была лейтмотивом великих буржуазных революций XVII и XVIII веков. В этом отношении идеи Маркса и Энгельса были более буржуазными, чем воззрения таких людей, как Прудон, Бакунин, Кропоткин и Ландауэр. Как бы парадоксально это ни звучало, ленинское развитие социализма представляет собой скорее шаг назад к буржуазным представлениям о государстве и политической власти по сравнению с новыми социалистическими взглядами, которые намного яснее выражены у Оуэна, Прудона и других. Этот парадокс в мышлении Маркса отчётливо выявил Мартин Бубер: «Эти неотъемлемые составные части идеи коммуны Маркс воспринял, не сопоставив их со своим собственным централизмом, и не сделал между ними выбор. То, что он, по-видимому, не замечал возникающей здесь серьёзной проблемы, вытекает из преобладания политической точки зрения, которое чувствуется у него везде, где речь идёт о революции, её подготовке и воздействии. Из трёх подходов к делам общественной жизни – экономического, социального и политического – первым Маркс владел с методическим мастерством (надо бы сказать – с методологическим мастерством. – Н.Н.), третьему он предавался со страстью, к социальному же подходу, как бы абсурдно это ни звучало для правоверных марксистов, он лишь изредка обращался напрямую, и этот подход не стал для него определяющим» (с. 34).

Это чрезвычайно важная мысль: у нас до сих пор на поверхности нашей жизни бушует «политическая пена» и «политический нарциссизм». Наряду с политикой (как второй по важности фактор) признаётся значение экономики. – Причём, многие, произносящие слово «экономика», вряд ли способны дать концептуальное толкование «природы и причин» (если воспользоваться лексиконом Адама Смита) экономики. Для очень многих наших активистов – экономика – *известное*, но отнюдь *не познанное* явление (см. Гегель. Соч., т. IV, с. 16). Что же касается *социального начала* нашей жизни, то оно сведено у нас до уровня «собесовского феномена». Под «социальным» у нас большей частью подразумевают ТО, что правящие структуры выделяют людям... чтобы они успокоились. До действительного смысла «социального начала» никто, кажется, не докапывался, во всяком случае, гносеологической потребности понять социальное в его истине обнаружить не удалось.

А между тем, если мыслить адекватно нашей эпохе, то «социальное начало» – это самое фундаментальное начало. Понятие «социального» тождественно понятию «трудовое», ибо труд есть основа социальности, социума, человека, его сознания, его созидательных потенциалов, его культуры. «Социальное» обладает самодвижением и саморазвитием, ибо социальное (= труд) – это субстанция, а экономика – это подчинённое понятие. Труд создал самого человека, – если мы не забыли, – труд создал и экономику... на определённой стадии своего развития. Поскольку же у нас с социальным мышлением и с философией истории дело обстоит из рук вон плохо, то никто не помнит, что одно из достижений марксистской мысли состоит в том, что *«найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества»*, новое направление дало научное понимание социального процесса (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 317. Курсив мой. – Н.Н.).

Сегодня уже очевидно, что (если вдумчиво относиться ко всему происходящему в нашей стране и в мире) *приоритетом* во всех наших размышлениях и решениях должно пользоваться «социальное начало» как саморазвивающееся и как развиваемое нами. Поэтому надо преодолевать «политический нарциссизм» и «экономический детерминизм». Разве катастрофический провал КПСС (словно лопнул гигантский мыльный пузырь) не свидетельствует о том, что политические методы и политические партии – это исторический *анахронизм*, ибо это *реликтовые* методы организационной работы в массах. Некоторые наши активисты намерены создавать новые политические партии вместо потерпевшей крах КПСС. Эти намерения идут от непонимания нашей эпохи и свидетельствуют о догматическом мышлении: «король умер, да здравствует король!». Дело не в том, что такая-то партия – плоха и надо создавать хорошую партию. Дело в том, что мы входим в новую историческую эпоху, в которой политическая партийность и политическая организованность **ВООБЩЕ БЕССИЛЬНЫ ПЕРЕД ГИГАНТСКИМ РАЗМАХОМ ЗАДАЧ, ПОСТАВЛЕННЫХ ПЕРЕД НАМИ ИСТОРИЕЙ**. Маркс когда-то интуитивно предвидел это, когда писал о пролетарских революциях, которые «всё снова и снова отстают перед неопределённой громадностью своих собственных целей» (см. там же, т. 8, с. 123). Но это была лишь интуиция.

Сегодня уже стало фактом, что **не работают** ни Пленумы ЦК КПСС, ни съезды КПСС, ни Программы КПСС. И другие партии не превзошли КПСС **в смысле практического влияния на фундамент нашего социума**.

И сегодня буквально «в струю» нашей эпохе звучат слова Эриха Фромма: «Идея политической революции не является специфически марксистской или социалистической. Это традиционная идея буржуазного общества трёх последних столетий» (с. 34).

Вот, оказывается, в какой анахронизм впадают наши политические лидеры. Они тешат себя иллюзиями, что посредством произнесения политических речей можно решить проблемы неординарно-новой эпохи! **Невозможно, немислимо, невероятно, чтобы возможно было реформировать наше общество на той основе, которая есть в наличии!** Если «перестройка» – это революция, то надо отказаться от иллюзий, что эту революцию можно совершить политическими и экономическими средствами. *МЕРА не та!* Ибо грядёт *не та* эпоха! То, что нам сегодня вероятнее всего необходимо, это культурно-педагогические ассоциации, охватывающие всю страну порывом к культурно-личностному обновлению, ассоциации в качестве принципа и особой организации населения для подъёма каждого человека на уровень творческой личности, реализующей себя прежде всего в сфере свободного времени. – Это, собственно, и есть *социальная технология!* – Для этого необходимы прежде всего теоретическое единство общества, единство его духа и громадная практическая работа,

ибо, как уже говорилось, в рамках 8-часового рабочего времени поднять нашу страну не удастся. Разумеется, что сделать каждого учёным и изобретателем невозможно. Но возможно создать атмосферу новаторства и обновления, новый психологический настрой в среде жизни.

В отличие от политических партий, которые неизбежно состоят из массы и инициативного центра, культурно-педагогические ассоциации должны быть ориентированы на становление активной личности, устремлённой к самореализации – в духе новой эпохи. Следовательно, – преодоление социальной апатии!

Политические партии в своей идеологии, ещё не имея теории и понимания эпохи, зациклены на власть, на её приобретение. Дело же ныне в другом: иметь ясное понимание, к чему прилагать власть: каким способом реализовывать жизненные силы народа на преодоление отчуждения – через реализацию каждой личностью себя как личности творческой. Политика (а с нею и партия) становится слепой, если не осознано, что экономический детерминизм, господствующий в наших представлениях о будущем, есть «экономическое идолопоклонство». Невозможно перестроить общество, если нет понимания, что адекватной почвы для перестройки нет. Нельзя новое строить на старом базисе. А экономика – это старый базис.

Но вернёмся к Э. Фромму. Он пишет: «Маркс недооценивал комплексный характер человеческих склонностей. Он не учитывал в достаточной мере, что человеческая природа сама несёт в себе потребности и законы, которые находятся в постоянном взаимодействии с экономическими условиями, формирующими историческое развитие...

Не имея достаточных психологических знаний, он не представлял себе в достаточной мере человеческий характер и не осознавал, что человек не только формируется видом общественной и экономической организации, но со своей стороны тоже её формирует. Он не распознал в должной мере склонности и устремления, которые коренятся в природе человека и условиях его существования и сами представляют могущественную движущую силу человеческого развития» (с. 35).

«Хотя свою цель – эмансипацию человека он никогда не упускал из виду, тем не менее, его критика капитализма, так же как и его социалистические интересы к *человеческим* проблемам, всё больше заслонялись его экономическими выкладками. Он не распознал иррациональные силы в человеке, которые внушают ему страх перед свободой и являются причиной его жажды власти и разрушительных импульсов. Наоборот, его точка зрения основывалась на молчаливой предпосылке о природной доброте человека, которая проявится, как только он будет освобождён от экономических цепей, превративших его в калеку» (с. 36).

Э. Фромм отмечает, что категорическое утверждение «Коммунистического манифеста» о том, что рабочим нечего «терять, кроме своих цепей» – содержит «радикальное психологическое заблуждение», т.к. у них во время их пребывания в оковах образовались иррационалистические потребности и их удовлетворение составляет их приобретённую социальную природу, сформировавшуюся «в оковах». «В этом отношении Маркс и Энгельс никак не вышли за рамки наивного оптимизма XVIII века».

«Эта недооценка комплексности человеческих склонностей привела к трём в высшей степени опасным заблуждениям в мышлении Маркса».

1. Она привела к тому, что он недооценивал значение морального фактора в человеке. Полагая, что добро в человеке проявится автоматически, как только совершатся экономические изменения, он не увидел, что лучшее общество не может быть вызвано к жизни людьми, которые прежде сами не изменятся в моральном плане. Он не останавливался подробно на необходимости новой нравственной ориентации, без которой все политические и экономические изменения бесполезны.

2. Вторым заблуждением, вытекающим из той же причины, была ошибочная оценка шансов на осуществление социализма. Маркс и Энгельс верили в близкое пришествие «хорошего общества» и лишь смутно осознавали, что дело может дойти до нового варварства в форме коммунистического и фашистского тоталитаризма. Эта нереалистическая оценка породила многие теоретические и политические заблуждения в мышлении Маркса и Энгельса и превратилась в конце концов в причину разрушения социализма, которое началось ещё при Ленине.

3. Третье заблуждение в воззрениях Маркса состоит в том, что социализация средств производства являлась, по его мнению, не только *необходимой*, но и *достаточной* предпосылкой для преобразования капиталистического общества в социалистически-кооперативное. И это заблуждение основывается на чрезмерно упрощённом и слишком оптимистичном рационалистическом представлении о человеке... Маркс полагал, – пишет Фромм, – что освобождение от эксплуатации автоматически произведёт на свет свободного и готового к сотрудничеству человека. Относительно непосредственного воздействия изменения окружающих условий он был столь же оптимистичен, как и энциклопедисты XVIII века. Он обращал слишком мало внимания на силу иррациональных и деструктивных склонностей человека, которые невозможно изменить со дня на день посредством экономических преобразований... Фрейд после опыта первой мировой войны признал силу человеческой деструктивности и предпринял заметные изменения во всей своей системе, благодаря которым он объявил инстинкт деструктивности столь же сильным и неискоренимым, как и эрос. Маркс же никогда не пришёл к подобным выводам и никогда не менял своей простой формулы о социализации средств производства как прямого пути к достижению социалистических целей (с. 37).

По этому поводу надо заметить, что Э. Фромм здесь не вполне прав. В «Анти-Дюринге», – а эта работа представляет собой плод работы двоих, и Ф. Энгельс не считал для себя возможным опубликовать написанные им главы, не прочитав их предварительно Марксу, – есть указание на то, что социализация средств производства не может состояться, если не произведён коренной переворот в старом способе производства и не устранено старое разделение труда (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 308).

А устранение старого разделения труда – это столь громадная проблема, что она не только затрагивает, но и определяет коренные проблемы и нашей современности!

Надо признать правоту Эриха Фромма по вопросу о том, что Маркс недооценивал **силу человеческой деструктивности**, но при этом надо признать и то, что Маркс и Энгельс отнюдь не собирались выступить в роли авторов законченной и готовой на все времена научной концепции социализма. Они полагали, что будущее внесёт в эту концепцию свои дополнительные аргументы и поправки.

Можно сказать, что тезис о социализации средств производства в качестве обозначения прямого пути к достижению социалистических целей нашёл выражение в

практике Ленина, Сталина и их продолжателей. Но это было связано с тем, что **теорию Маркса**, часто плохо усвоенную и не вполне охваченную вниманием в её целостности, **не развивали дальше** в течение более 70 лет. И это отмечено Фроммом (с. 37). Ни в социал-демократической, ни в коммунистической среде не оказалось профессиональных теоретиков и мыслителей, владеющих марксизмом как методом в должной мере. Эрих Фромм прав, говоря, что «понятие социализма всё более вырождалось». Если социал-демократы всё более становились партией, представлявшей совместно с профсоюзами, «чисто экономические интересы рабочего класса», то «крыло под руководством Ленина» в состоянии отчаяния, – как пишет Фромм, – побуждено было «к концентрации всех усилий на политической и чисто экономической областях. Подобное смещение акцентов, – продолжает Э. Фромм, – при небрежении социальной сферой, находится в полном противоречии с истинной сущностью социалистической теории» (с. 38 Подчеркнуто мною. – Н.Н.).

«Далее, – пишет Фромм, – для обоих направлений марксистского движения, – т.е. для социал-демократов и для коммунистов, – (в случае России) является полное пренебрежение человеком. Критика капитализма стала критикой исключительно с экономических позиций.

«В России использовалась формула, согласно которой социализм означает национализацию средств производства. В западных странах существовала тенденция понимать под социализмом всё более высокую зарплату для рабочих, при этом исчезал его мессианский пафос, его обращение к самым глубоким устремлениям и потребностям человека. Я намеренно говорю «существовала тенденция», поскольку социализм ни в коем случае не утратил полностью своего гуманистического и религиозного пафоса», – пишет Э. Фромм.

Таковы взгляды и оценки социализма со стороны одного из самых выдающихся гуманистов XX века.

В этой связи надо сказать, что проект Программы КПСС, опубликованной в «Правде» 8 августа 1991 года, представляет собой скорее социал-демократическую и даже либеральную точку зрения на социализм. Этот факт надо рассматривать как определённую растерянность верхов КПСС, пытающихся теоретизировать на тему о социализме.

Ситуация действительно очень серьёзна, особенно после государственного переворота 19-21 августа 1991 года в СССР, когда никто не знает не только о том, как продвигаться в социалистическом направлении, но и как жить и действовать завтра. Есть вера, что решительный переход к рынку улучшит самочувствие страны, но надо принять к сведению следующее.

5. «Ситуация отставания», как «ситуация неопределённости, которая возрастает по экспоненте»

Никто не знает, что дальше делать, потому что никто не знает, что дальше будет, потому что у общества нет адекватной и эффективной теории, объясняющей природу нашего социума и предлагающей методологию и последовательность разрешения всех наших проблем.

Можно было бы начать с фактов – дать многообразную статистику, описывающую в строгих количественных измерениях и количественных отношениях разнообразные аспекты действительности.

Но и без этого ясно, что страна находится в «ситуации отставания», а эта последняя вызвана «ситуацией неопределённости, которая возрастает по экспоненте». И эти две формулировки представляют собой *качественное определение*, которое достаточно услышать или прочитать, чтобы схватить смысл ЦЕЛОГО.

Отставание и неопределённость – это не только наша внутренняя проблема как страны, находившейся более 70 лет под руководством некомпетентного управления. Понятно, например, что страны «третьего мира» отстают от Западной Европы, что США отстают от Японии...

Отставание и неопределённость выражается ещё и в том, что все ныне живущие люди планеты Земля не владеют ни временем, ни обстоятельствами, ни причинами, не владеют адекватным целеполаганием... Разные страны живут «по разным часам» не только в понятии географических поясов времени, но – в различных размерностях социально-исторического времени. И все народы, населяющие Землю, отстают в своём способе жизни от объективных потребностей эпохи, так как этот способ жизни (с его технологической, экономической основой и его политико-юридическими надстройками) НЕАДЕКВАТЕН совокупности условий, создаваемых массой населения, приближающегося по численности к 6 млрд. человек. Такая масса населения не только не может благополучно существовать, но неизбежно начнёт деградировать и вымирать, ПОТОМУ ЧТО в основу жизнеобеспечения положено использование **рабочей силы**, а не *силы таланта*. Приоритет – не тот!

Но сегодня все народы живут по инерции, созданной наиболее развитыми странами. Сегодня «отстающие» ориентируется на «опережающих», полагая, должно быть, что предстоящая нам «историческая дистанция» выразится и развернётся как *непрерывный линейный восходящий* процесс... и «у всех будет всего много»...

Но может случиться так, что «пока солнце взойдёт, роса очи выест». Дело в том, что уже сегодня то благополучие, которое есть, достигается ценой неимоверного отравления биосферы, так что все блага попадают к нам либо уже отравленными, либо отравляющими природу попутными компонентами производства. Иначе не может быть при механико-физико-химических основах технологии тождественной системе экономических (= стоимостных) отношений! Экономика и её законы заведомо враждебны биосфере и её законам, её экологически-органичным отношениям.

Дело ещё и в том, что превосходство наиболее развитых стран – НЕ есть чистый продукт их собственного «генетического» процесса, а представляет собой «продукт», в который вошли результаты «утечки мозгов» из всех стран мира и другой потенциал богатства, доставшийся им по дешёвке в условиях эксплуатации слаборазвитых стран.

Так что когда полагают, что достижение наиболее развитых стран представляет собой генетический результат ИХ экономического организма, то это – заблуждение, проистекающее из непонимания действительной природы ИХ богатства. Это, конечно, не значит, что у наиболее развитых стран нет заслуг в организации и использовании мировых человеческих и минеральных и т.п. ресурсов, которыми они умело распорядились, но это значит, что страны, которые смотрят на экономически преуспевающих лидеров мирового хозяйства как на образец для подражания (а это чрезвычайно характерно для наших уважаемых экономистов от "а" до "я": от Абалкина до Явлинского, утверждающих, что нечего, мол, в наших реформах «изобретать велосипед», когда есть мировой опыт), то в ответ на такие заявления надо призвать к сугубой осторожности. Прежде всего: чтобы иметь те успехи,

которые есть у США, необходимо организовать «утечку мозгов» в нашем направлении и превзойти США по количеству Нобелевских премий (в области естественных и медицинских наук мы отстаём от них раз в 50). А, кроме того, чтобы иметь ИХ достижения в экономике, надо было бы аннексировать и колонизировать обитаемые планеты, чтобы черпать оттуда те ресурсы, которые питали в течение двух столетий метрополии Европы и Америки. Так обстоит дело с «велосипедом».

Но есть ещё одно обстоятельство. Те, кто полагает, что следует заимствовать «мировой опыт экономической эволюции Запада», почему-то полагают, что Запад так и будет эволюционировать... «по прямой» и «по восходящей».

А если нет?!?!

А если их (скорее их, а потом и нас!) ожидают крупные «провалы» или «скачки» в этой эволюции установившегося способа производства социальной жизни, при которых они довольно быстро перестроятся (ведь ИМ ЭТО ЛЕГЧЕ) и перейдут на новый ТИП развития?! Что тогда? – Так вполне может (и неизбежно должно!) быть: эволюционный процесс неизбежно приводит к «скачку». – И тогда окажется, что мы, проводя реформы по модели западной экономической системы (и понимая её – в силу и в меру своего – отстающего от них – разума), затратим все свои ресурсы на создание аналогичной сегодняшнему Западу системы, которая уже сегодня представляет собой, в сущности, «вчерашний день» мирового прогресса, и попадём в положение «вечно вчерашних». –

В теории психоанализа З. Фрейда есть понятие «нарциссизма» – самолюбования, или самоуверенности в непререкаемой истинности своего мышления. Сам Фрейд в качестве примера приводит скачок в мировоззрении от геоцентрической концепции К. Птолемея (ок. 90 – ок. 160), изложенной в «Альмагесте», где Земля считалась центром Вселенной, к концепции Н. Коперника (1473-1543), изложенной в труде «Об обращении небесных сфер». По Фрейду, **теория К. Коперника нанесла рану нарциссизму, считавшему человека и Землю центром Вселенной**, вместе с целым рядом устоявшихся представлений. Люди, по мнению Фрейда, не любят подобных ранений, которые связаны с именами Коперника, Дарвина, самого Фрейда...

Применительно к социальным наукам сегодняшнего дня можно говорить об «экономическом нарциссизме» как о приверженности политиков, публицистов и т.д. объяснять то, что происходит в нашем обществе, экономическими причинами, то есть – о самоуверенности наших уважаемых обществоведов и прежде всего наших уважаемых экономистов в непререкаемой истинности своего мышления. Отсюда – нарциссизм, неосознанное самолюбование своим профессионализмом, а по существу – заторможенность мышления по вопросу исследования на перспективу ситуации в стране.

Сегодня на нашей планете каждую секунду рождается три человеческих существа, т.е. 180 человек в минуту, 10 800 человек в час, 88 млн. 108 000 человек в год. Если столь интенсивное «производство людей» будет поставлено в «экономические рамки», и эти новорождённые будут реализовывать себя в сфере рабочего времени в качестве **рабочей силы**, составляющей субстанцию **силы товара**, то создаётся абсурдная ситуация: товарореализующаяся сущность человека не в состоянии обеспечить выживание такой массы людей прежде всего по причине использования технологий, адекватных экономическим (= стоимостно-эквивалентным) отношениям; как уже говорилось, это – неорганические технологии, порождающие узкопрофессиональное разделение труда и, следовательно, – узкий

спектр способностей индивида; точно так же уже говорилось, что эти технологии враждебны экологическому здоровью биосферы.

У Маркса есть понятие об «экономическом порабощении рабочего класса», но это порабощение невозможно снять декретом о социализации средств производства («установив общественную собственность», как у нас говорили), потому что кроме экономического, есть ещё «технологическое порабощение» (и не только рабочего класса!). Явление этого порабощения до сих пор пока не осознано, ибо (по сложившейся у нас шаблонной модели понимания общества) акцентировались экономические и политические аспекты, а социально-культурный аспект, технологическая основа общества, состояние семьи как формы материальных жизненных отношений – оставались в тени.

Но в том-то и состоит «соль» (главный пункт) понимания нашей эпохи, что **при существующей ныне системе технологической основы общества** (когда ВЕЩЕСТВО в его механико-физико-химических модификациях явно выступило на передний план в сравнении с использованием гуманистических сил и знаний, в сравнении с использованием духовной культуры), индивид вообще не может обладать ни целостной трудовой, ни даже целостной товарной сущностью. Оставаясь частичным производителем, человек вследствие наличного уровня технологической культуры лишается возможности более или менее **человечески-всесторонне** развивать свои способности; а это и есть **технологическое порабощение**. Наши гуманитарные науки этим понятием пока не оперируют (видимо, вследствие инерции и уверенности, что социум достаточно объясним экономически), хотя очевидно, что введение этого термина в научный оборот и обиход **сегодня** совершенно необходимо: без этого понятия невозможно продвигаться к углублённому пониманию общества, которое остро необходимо, ибо настала пора развивать и использовать не только естественнонаучную сторону человеческого творческого потенциала (что началось с Фрэнсиса Бэкона), но и его гуманистическую сторону, за которой будущее. «Технологическое порабощение» на этом фоне как термин означает, что речь идёт **об ограничении свободы развития личности, её творческой сути как раз в аспекте гуманистическом, человеческом, что было заторможено переливом внимания и сил на развитие естественнонаучного материализма, естественнонаучных технологий.**

Если кому-то этот термин не нравится, можно предложить другой: «технологическое ограничение». Но суть дела от этого не меняется: ограничение культуры есть порабощение. По данным еженедельника «Радикал» (№ 33-34 за 1991 г., с. 4), самым значительным фактором, определяющим у нас «утечку мозгов» за границу, оказалось «несовершенство научной аппаратуры, используемой в экспериментах». На втором месте – «низкая оценка обществом роли фундаментальной науки, престижа труда учёного, инженера». На третьем месте – «отсутствие условий для предоставления своим детям качественного образования, отвечающего современным требованиям». На четвёртом – «отсутствие достаточных возможностей для установления стабильных научных контактов с зарубежными коллегами».

И только на пятом месте оказался фактор «материального вознаграждения научного труда».

Если оценить эти факты в категориях, выдвинутых в данной работе (см. стр. 5-6), то окажется, что решающая и определяющая роль в процессе «утечки мозгов» принадлежит не производственным (экономическим) отношениям, а таким причинам, как «сила отношений развития», «сила средств развития», «сила ассоциаций», «сила семьи». «Экономический

фактор», которым у нас догматически привыкли объяснять всё и вся, в данном случае «не работает».

Что такое за фактор «отсутствие достаточных возможностей для установления стабильных научных контактов с зарубежными коллегами» как ни потребность в «силе ассоциации», как ни проявление «отношений развития»? Что такое за фактор «несовершенство научной аппаратуры, используемой в эксперименте» как ни фактор потребности в «средствах развития»? Ибо через такую аппаратуру происходит и развитие самого экспериментатора, и развитие знаний об исследуемом объекте! Что такое за фактор беспокойства по поводу «отсутствия условий для предоставления детям качественного образования» как ни проявление «силы семьи»?

Ибо через добротное (современно необходимое) образование детей – семья утверждает себя как реальную силу общества, реализует себя **как систему материальных жизненных отношений**, отстаивает своё достоинство и свою миссию как миссию рода. Это – социальная и индивидуальная объективная потребность, утвердившаяся в людях из глубины веков, ибо они – изначально и прежде всего – люди, а не некие экономические феномены, как привыкли думать у нас в период вульгаризированного марксизма. – Неужели ВСЕ социальные процессы возможно объяснить пресловутыми «производительными силами» и пресловутыми «производственными отношениями»?! –

В период уяснения самим себе своих складывавшихся новых социально-философских взглядов Маркс и Энгельс совместно написали критическую саркастическую (и в то же время положительно формулирующую новые идеи) работу, которую потом забыли доработать, так и не издав её при жизни, предоставив её «грызущей критике мышей», как выразился Энгельс в 1888 г.

В этой работе, названной «Немецкой идеологией», содержится много плодотворных идей, способных и сегодня содействовать выработке системного социально-философского мировоззрения. Среди прочего там утверждалось, что «семья... вначале была единственным социальным отношением» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. с. 27). Единственным! Но кто у нас об этом помнит, хотя эта идея ещё с античных времён (греческие софисты, Аристотель, стоики, Цицерон) восходит к так называемому «естественному праву», знакома по трактатам Ж.Ж. Руссо, по трудам Локка, Монтескье, Дидро, Гольбаха...

В этой связи надо остановиться на чрезвычайно важном для социальной философии понятии о *материальных жизненных отношениях*.

6. О материальных жизненных отношениях

Дело в том, что семейные отношения, выражающиеся в продолжении рода **и в возвышении новых поколений до того уровня культуры, который был создан предшествующими поколениями** (а об этой функции семьи у нас, как правило, забывают, хотя она сегодня более актуальна, чем простое воспроизводство поколений), как и экономические отношения, есть лишь форма проявления материальных жизненных отношений.

Если обыденное сознание имеет дело с фактами и вещами, то теоретическое мышление имеет дело с материальными жизненными отношениями. С этой, последней, точки зрения – куст травы или известный всем лопух есть в сущности своей совокупность материальных

жизненных отношений. Эволюция флоры и фауны есть в сущности эволюция материальных жизненных отношений. Если набор каких-либо растений образует биоценоз, то это значит, что они составляют симбиоз, то есть благоприятное сочетание растительных форм, занимающих определённую экологическую нишу. Если же мы наблюдаем, как шиповник своим присутствием угнетает облепиху, то это тоже проявление материальных жизненных отношений, но только – со знаком минус.⁷

Поскольку материальные жизненные отношения составляют *сущность* (т.е. – раскрывают динамику и «химизм», или «органику») всех реальных жизненных процессов, то и социальные процессы, **если мы хотим постигать их в сущности**, должны рассматриваться под углом зрения выявления составляющих материальных жизненных отношений.

Пережитый нашей страной 73-летний период «декларативного социализма», когда ценности, характерные для буржуазного общества (неограниченное потребление в качестве смысла жизни, алчность и эгоизм под именем «личной материальной заинтересованности») демагогически адресовались всем членам «социалистического общества», был в то же время периодом примитивного состояния теоретической мысли. Выражался этот примитивизм прежде всего в том, что единственные материальные (т.е. социально-фундаментальные) отношения, которые были известны и которыми всё пытались объяснить, – были экономические отношения. Отсюда и произошло, что ни «семейные отношения», ни «отношения развития» не рассматривались в качестве фундаментальных социальных материальных жизненных отношений.

А социальные материальные жизненные отношения нового типа, понимаемые в их полноте, не могут возникнуть произвольно. Для их возникновения и функционирования необходима деятельность развития, сосредоточенная прежде всего на становлении новых технологий, о чём уже было сказано. Недостатком гуманистических исследований, опубликованных по проблемам человека и общества на Западе в последнюю четверть века, является как раз то, что в них не схвачена *идея о различии* неорганических технологий, на которых держится капитализм и его стяжательские цели, и технологий органических (высших), с которыми надо связывать надежды на гуманистическое развитие человечества.

Рынок выражает не просто характер производственных отношений: он сегодня выражает и характер тех **МАТЕРИАЛЬНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**, которые мы готовы принять (не очень-то разобравшись в сути дела) и на базе которых нашим уважаемым реформаторам хотелось бы выбраться из провала, в котором мы оказались. – Чтобы судить о нашем положении с ПОНИМАНИЕМ, надо различать «производственные отношения» и «материальные жизненные отношения», являющиеся категорией более широкой и более общей. У нас все эти годы, при господстве «сталинского марксизма», понимание такого различия отсутствовало, и, следовательно, социальное мышление было «сплюснутым»; чтобы мыслить с ПОНИМАНИЕМ, это надо различать. Маркс вообще в своём знаменитом «Предисловии» к «К критике политической экономии» употребляет термин «материальные жизненные отношения» и термин «способ производства материальной жизни». ⁸ Сталин же искажил смысл термина и переименовал его в «способ производства материальных благ». ⁹

⁷ Как, например, когда терновник «забывает» шиповник.

⁸ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6 и с. 7.

⁹ См. «История ВКП(б). Краткий Курс». М., 1945, с. 114.

Культура мышления сразу упала. И у нас до сих пор она остаётся столь недостаточной, что, видимо, почти НИКТО не заметил подмены тезиса, т.е. – фальсификации марксизма по этому важнейшему пункту.

Маркс и Энгельс придавали этому принципиальное значение: последовательно разрабатывая теорию материалистического понимания истории, они выбирали термины, предохраняющие учение от вульгаризации, и все годы подчёркивали, что речь идёт о материальной **жизни**, которая универсальна, а не об «экономическом моменте», который представляет собой классово-ограниченный феномен.¹⁰

И всё дело в том, что в наше время перехода человечества к информационной цивилизации и становления особой ценности потенциала личности как носителя творчества, – производственные отношения как отношения экономические (и, следовательно – как НЕ охватывающие собой всей сложности новых материальных отношений – именно из-за их рыночности и, следовательно, недостаточности), – не смогут помочь нам выбраться из пропасти с должным эффектом, ибо у нас другой анамнез,¹¹ чем у Запада.

Это только кажется, что рынок позволяет «измерить трудовой вклад каждого производителя», – как прозвучало в докладе М.С. Горбачёва на Пленуме 25 июля 1991 г. – и что через рынок познаётся, насколько тот или иной товар нужен потребителю. Но при рынке производится масса ненужных товаров, которые не выдерживают конкуренции и разоряют производителей, которые соревнуются за потребителя. Можно, конечно, считать, что изобилие товаров – это «дополнительная награда каждому трудящемуся за личный вклад в экономику». Но в этом есть и «обратная сторона медали»: происходит ли при этом вклад экономики в развитие каждой личности - сверх кондиций товаров и товарных отношений?! В бесконечных разговорах и заклинаниях по поводу введения у нас рынка (что, несомненно, отражает ОДНО ИЗ необходимых направлений развития нашего общества!) упускают из виду, что рыночные механизмы БЕЗДУМНО ориентированы на товар, на примитивное (в сравнении с эпохой будущего и её параметрами!) получение товарной массы, но НЕ ориентированы ПРЯМО и НЕПОСРЕДСТВЕННО на развитие талантов и на развитие ОБЩЕСТВА в новое качество. А это сегодня – самое главное, ибо нам необходимо:

а) преодолеть разрыв с цивилизацией Запада протяжённостью минимум в 73 года; и

б) войти в эпоху, **главным параметром которой** будет не простое возделывание *вещества*, превращаемого в товары, а «возделывание» творческих личностей, талантов и социума, – НОВЫХ по своей принципиальной основе и сути, – чтобы преодолеть «ситуацию отставания» и опасности экологической катастрофы, которые **НЕОТЪЕМЛЕМО** сопутствуют производству товаров, так как это «производство» основано на низших технологиях, принципиально несовместимых с биосферой, её законами и её природой.

Цели общества, шагнувшего в «перестройку», должны быть выведены **мыслящей головой** из сущности наступающей эпохи, а не формироваться под влиянием **желудочно-кишечных импульсов** и... потребности в колбасе...

¹⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7; т. 21, с. 25-26; т. 37, с. 394; т. 31, с. 393.

¹¹ Анамнез – совокупность сведений о развитии болезни, условиях жизни, перенесённых заболеваниях, собираемых с целью анализа и диагноза, прогноза заболевания и лечения.

В заботе об обеспечении себя средствами к существованию НЕТ ничего исторически специфического (это вечная забота людей, но она всегда удовлетворялась исторически-специфическим и исторически-адекватным СПОСОБОМ). И сегодня необходимо выработать этот адекватный эпохе СПОСОБ, а не хвататься бездумно за то, что КАЖЕТСЯ подходящим. Из двух категорий (ЦЕЛЬ и СПОСОБ) – приоритет принадлежит способу достижения цели! И если КАЖЕТСЯ, что, поставив перед собой цель («удовлетворить потребности населения», а в качестве способа достижения этой цели избрали такой оправдывавший себя на Западе механизм, каким является ИХ рынок), мы уже теоретически решили проблему, то это – только КАЖИМОСТЬ.

От КАЖИМОСТИ нам надо освободиться и перейти к СУЩНОСТИ, уяснить сущность положения, в котором нам откроется выход и тем самым – ИСТИНА нашего образа действий. Сейчас почти все ослеплены феноменом рынка, потому что за ним видится ПОЛЬЗА (а польза, если она видится, кажется, действует как психологический аргумент!). Но действительно эффективное мышление может удовлетвориться только ИСТИНОЙ – то есть истинным способом действия. А истинный способ действия должен быть сообразован с сущностью наступающей эпохи. В рыночной экономике нельзя реализовать принцип распределения «по труду», как говорилось на Пленуме 25 июля 1991 г., ибо при рыночной системе происходит распределение «по товару». А это не одно и то же, ибо труд не имеет стоимости, а товар имеет. И это положение стоило бы развить в Программе, если было бы желание иметь фундаментальный в теоретическом отношении документ.

Рыночная экономика, – говорят нам, – позволяет стране стать частью мировой экономики. Да! Но – частью подчинённой, эксплуатируемой! И чтобы обезопасить себя от такой неприглядной перспективы, НЕОБХОДИМО дополнить рыночные (= стоимостные) отношения – отношениями развития талантов, или ценностными отношениями. Вот тут-то и надо вспомнить, что, рассматривая отношения производства материальной жизни с точки зрения назревшей перспективы, в них надо видеть такие отношения, которые не имеют стоимостного выражения. Это не экономические отношения, сосредоточенные на производстве товаров, вся содержательность которых имеет меркантильно-утилитарный характер, а отношения «производства» принципиально новой материальной жизни (отношения развития новой типологии труда), которая не имеет стоимости и цены, ибо эти отношения являются ВЫСШЕЙ ЦЕННОСТЬЮ и входят (в качестве фундаментального принципа) в ИНУЮ – НОВУЮ – МЕРУ социального процесса.

Из сказанного следует, что проводимую сейчас базисную реформу не следует сводить к экономическим преобразованиям. Последние представляют собой – лишь трансформации: преобразование формы при сохранении того же (экономического) содержания! А это значит, что форма меняется, а содержание – нет!

Объективная же необходимость эпохи состоит в том, чтобы изменить содержание: изменить способ производства материальной жизни в масштабе исторического СДВИГА (а не войти в мировую экономическую систему как её подчинённый элемент). Нам надо не просто перейти от командно-административного принуждения к ПРИНУЖДЕНИЮ экономическому, ибо и то и другое – система эксплуатации, система принуждения, система профессионального идиотизма, система отчуждения человека от его гуманистической сущности. Не в этом состоит смысл перестройки. Осмысливая сущность перестройки, надо исходить из новой МЕРЫ социального процесса, а не возвращаться в меру товарно-денежных отношений, т.е. – в капитализм.

Надо мыслить о перестройке в амплитуде новой исторической меры, нового способа производства материальной социальной жизни, у которой новая система духовности, эстетики и нравственности – новая система ценностей.

Нам надо не только не повторять тот жестокий урок, который связан со свержением НЭПа при Сталине, но необходимо конструктивно доработать всю систему материальной социальной жизни (в том числе и систему экономической практики, которую надо рассматривать не традиционно, а – в новом свете – как элемент будущей цивилизации) применительно к перспективам и в духе наступающей информационной цивилизации, в сфере которой стоимостные отношения НЕ будут играть господствующей роли.

В условиях той «экономической эйфории», которая сегодня наблюдается (и от которой в свой срок у нашего общества будет сильно болеть голова), полезно поразмыслить над следующим предупреждением К. Маркса: «Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединённых индивидов над их совокупным производством»... (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 102.)

Информация, её модификации и комбинации, **интенсивная жизнь** личности в сфере информации (а не в сфере частичных средств производства, превращающих индивида в профессионально ограниченное существо), помноженная на человеческий талант, сформируют реальность бесстоимостных отношений и бесстоимостных феноменов, которые обладают новым значением – **ЦЕННОСТЬЮ**, которая самодовлеет.

7. Итак, «социализм и рынок». Польза и истина

То, как этот вопрос ставится сегодня в публицистике и в политике, представляет собой бесперспективную цепь рассуждений, ибо делаются попытки утверждать, что рынок тождествен социализму. Иными словами, делается попытка представить дело таким образом, что изобилие товаров и даст нам социализм. Это значит, что социализм понимают потребительски, точнее – товаропотребительски.

Как уже было показано, это – ошибочная позиция, ибо при этом недостаточно глубоко осознаётся, что товарный фетишизм (а он неизбежен при рынке) несовместим с социализмом.

При существующей сегодня психологической ситуации в стране можно, конечно, внушить массам людей, что рынок приведёт к удовлетворению их насущных потребностей. – А больше, кажется, никому ничего и не надо? – Но в действительности невозможно удовлетворить ту массу потребностей, которая сегодня наличествует (и которую придётся удовлетворять в условиях нарастания экологического кризиса, на который неизбежно придётся реагировать, выделяя для этого средства из госбюджета; эту массу потребностей придётся удовлетворять в условиях конкуренции с наиболее развитыми странами; и это тоже – не без затрат на техпрогресс; при этом нам придётся возвращать долги по кредитам и проценты по ним, а для этого опять-таки надо выделять средства из госбюджета. И т.д. и т.п., так как для удовлетворения этой массы потребностей необходим совершенно иной потенциал способностей и талантов, чем тот, который мы имеем. Отсюда следует, что развитие талантов и способностей (сверх той МЕРЫ, которую отпускает нам экономика, рынок, товарно-денежные отношения!) должно предшествовать удовлетворению субъективных потребностей индивидов! Слишком много дыр в бюджете страны, чтобы их удалось закрыть при том потенциале производительности, который имеется в наличии! – Выше уже было сказано, что

ставка на то, чтобы поднять экономику экономическими методами как идея представляет собой тавтологическое построение мышления о перестройке и потенциально содержит в себе методологический тупик! Иначе говоря, вообще-то это бред. Но, как сказала Виктория Чаликова, «когда бред овладевает массами, он становится материальной силой» (см. «Огонёк», 1991 г., № 30, с. 11). – Но такая направленность «материальной силы» в конце концов оказывается катастрофической для страны, которая соблазнилась тезисом о пользе в ущерб положению об истинности своего выбора. Сегодня истинным выбором может быть только ставка на приоритетное развитие талантов и способностей! А ставка на удовлетворение потребностей через рынок, через экономическое принуждение, – является ложью, хоть это и кажется полезным (пользой)!

Это касается проблемы выбора вообще. Часто почему-то считают, что если за выбором стоят массы, то это свидетельствует о правильности выбора. Такими рассуждениями оправдывают, например, «социалистический выбор» 1917 г., когда массы склонились к этому по мотивам своей пользы. Подобным же образом Сталин «обосновывал» и «оправдывал» свою «руководящую роль», когда толковал социализм (его «основной экономической закон») как «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества». То есть – это мотивировка, исходящая из постулата о примате пользы народа. Упор на «пользу» делается до сих пор: на Пленуме ЦК КПСС 25 июля 1991 г. говорилось, что «КПСС, выражающая интересы людей труда, выступает сегодня как партия демократических реформ».

Это надо очень существенно разобрать, ибо НЕЯСНО, какие интересы подразумеваются в формуле «интересы людей труда». Из-за того что проблема интересов и потребностей остаётся у нас теоретически неразработанной, здесь возникает громадное практически значимое «белое пятно». Дело в том, что надо различать «субъективные потребности (интересы) индивидов» и «объективные потребности (интересы) эпохи». Поэтому сказать, что партия «выражает интересы людей труда» – значит ничего конкретного не сказать, тем более, что при господстве обыденного понимания – под «интересами людей труда» сплошь и рядом будут подразумевать их субъективные интересы. Сюда относятся потребности в продовольственных товарах, в промтоварах массового спроса, в квартирах и т.п. И при этом никто не подумает, никому и в голову не войдёт, что есть ещё и объективные потребности эпохи и что без реализации этих последних невозможно нормально удовлетворять субъективные потребности и интересы индивидов.

К разряду объективных потребностей нашей эпохи прежде всего относится потребность (по существу – объективная необходимость!) в свободном и всестороннем развитии способностей, в формировании и в реализации талантов. Но никто ведь об этом не думает, в наши директивные пятилетние планы это никогда не входило не то что отдельным разделом, но даже – отдельной строкой. Ни в одной мозговой извилине по этому поводу не зачесался ни один нейрон, ибо все граждане были сосредоточены на «удовлетворении СВОИХ потребностей». Все (повально) хотят удовлетворять свои потребности, но при этом мало (или совсем НЕ) заботятся о развитии своих способностей, о развитии талантов. А между тем «социализм», под идейным знаменем которого мы декларативно жили 73 года и 7 месяцев¹², выражается тезисом, НАЧИНАЮЩИМСЯ словами: «от каждого по способности»... Все эти

¹² Считая от разгона Учредительного собрания в январе 1918 года (прим. ред.).

годы руководство страны и партии, видимо, полагало, что способности растут само собою, как поганки в лесу...

В погоне за удовлетворением своих субъективных потребностей наши утилитарно ориентированные индивиды Волгу отравили уже настолько, что невозможно употреблять в пищу ни мясо, ни икру как осетровых, так и – неосетровых рыб. А всё потому, что не существовало в нашем мышлении такой категории как «объективные потребности эпохи», к разряду которых относится и забота о дееспособности в целом, о поддержании экологической чистоты окружающей среды... Станочный парк многих наших предприятий имеет 60-летний возраст,¹³ а всё потому, что мы (по плану! и в согласии со сталинским «основным экономическим законом социализма») эгоистически удовлетворяли СВОИ субъективные потребности и не догадывались об объективных потребностях эпохи, диктующих регулярное обновление технологии... а регулярное обновление технологии диктует как необходимое – постоянное развитие способностей и талантов...

И вот сегодня, в 1991 году, разрабатывая свою Программу, соответствующая комиссия КПСС, не преодолев установок обыденного сознания, собирается провозгласить, что КПСС выражает «интересы людей труда». И так как «люди труда» под этими интересами подразумевают свою утилитарную пользу, а для её реализации согласны принять механизмы утилитарно-меркантильных отношений рыночной экономики, то окажется опять упущенным из виду вопрос об ИСТИННОСТИ такого образа действий.

Польза и истина не стыкуются, если польза не подчиняется истинному образу действий. Истинный же способ действий сегодня состоит в том, что не товар, а талант должен возглавлять как систему наших потребительских запросов, так и наших ценностных ориентаций.

Итак, в основе *понимания* современной эпохи надо видеть столкновение двух «тектонических плит» («новая глобальная социальная тектоника», если угодно): **силы товара** и **силы таланта**.

В отличие от товара, *сила таланта* формируется не разделением труда, а, напротив, ассоциацией усилий и способностей людей. Богатство человека (как подлинно человеческое богатство) – это богатство его общений как непосредственно с современниками, так и с предшественниками (что происходит главным образом через книги) через усвоение информации и культуры. Дело ещё и в том, что становление высших технологий (а это является велением времени – объективной потребностью эпохи) невозможно осуществить без определённой стратегии образования и развития культуры, сосредоточенной на развитии талантов как на первостепенной по важности основной социальной задаче эпохи, формируемой в ситуации отставания.

Таким образом, если ТОВАР и стоимость вытекают из неорганических технологий и соответствующего им *разделения труда*, то ТАЛАНТ имеет иные (противоположные) предпосылки: ассоциирование людей, ассоциирование культуры и информации, ассоциирование самого труда, чтобы произошло становление тройственного характера труда как труда, производящего таланты и творческие способности в качестве высших ЦЕННОСТЕЙ

¹³ В связи с недавним «хлебным кризисом» в Москве выяснилось, что некоторые хлебопекарные предприятия были построены и оборудованы ещё до революции 1917 года.

эпохи. Талант предполагает развитие высших технологий и в качестве предпосылки и в качестве условия существования и развития.

Если товар имеет *стоимость*, то талант не имеет её и в принципе не может иметь. Талант – это *ЦЕННОСТЬ*. И формируют его отнюдь не товарные отношения.

Поиски, в которых пребывает социальная мысль нашей страны (да и мысль народов других стран, о чём свидетельствуют, в частности, работы Эриха Фромма... или Виктора Франкла...), можно охарактеризовать своеобразной дилеммой:

1. Польза мыслится достижимой через политику и власть;
2. Польза мыслится достижимой через владение истиной (что предполагает целую систему нетрадиционных действий).

Стремление достигнуть пользы через политику и власть – есть традиционный (слепой по отношению к пониманию сущности наступающей эпохи) процесс, в котором не осознаётся, каковы обратные связи и последствия экономической организации общества и экономического образа жизни.

Экономическая организация общества не только привлекательна тем, что обеспечивает изобилие товаров, но и непривлекательна тем, что все факторы производства (человек, его способности, природа, которая, как и талант, не имеет стоимости, сам труд как сила, которая социализирует и культивирует человека) реализуются через товарное производство и стоимостные оценки и, тем самым, практически нивелируются до статуса вещи или вещей, которые могут быть куплены... И, следовательно, личное и личностное лишается ЛИЧНОСТИ.

Недооценка (недоосмысление роли) ценностных феноменов в системе общественной жизни ведёт к вульгаризации реальных общественных отношений и в конце концов – к недостаточному развитию потенциала таланта, талантливости людей в отношении к тому уровню ума, изобретательности, дееспособности и талантливости, который нам необходим в ситуации отставания. – Об этом почему-то напрочь забывают. Мы живём не просто в России, но и в ситуации отставания, в ситуации, когда неопределённость положения возрастает по экспоненте. – И если в таких условиях развёртывается полномасштабный рынок и товарное производство становится двигателем жизни, то человек в этих условиях вынужден подчиниться «правилам игры» и выступать как феномен, который полностью товарореализует себя представляя собою товаролицетворённого индивида, превратившегося в товароосуществлённую силу. И говорить в таких условиях о всестороннем развитии способностей человеческой личности – бессмысленно, ибо, выбрав рынок, – мы подчинились товарному фетишизму. При таком выборе нам уже не дано достижение гуманизма, при котором первенствует человек, а не товар. За этим выбором стоит громадной важности проблема (соотношение утилитаризма и гуманизма), предрешённая нами, как выбравшими рынок, в пользу утилитаризма. И ни политические, ни юридические ухищрения не могут ничего изменить в этом роковом выборе, ибо они (ухищрения) – вторичны по отношению к силе товара, производны от НЕЁ.

Так получается, что тезис «польза через политику» есть тупик. Это значит, – если смотреть в широком плане, осмысливая перспективу, – что политика как способ решения социальных задач имеет исторические пределы своих возможностей и своей эффективности. –

Это – в дополнение к часто повторяемой фразе о том, что политика есть искусство возможного. – И эти пределы сегодня уже ясно обнаруживают себя.

Сегодня необходимо осознавать, что мы как общество не просто «живём-поживаем» («живём – хлеб жуём»), а живём в определённую эпоху. Это эпоха столкновения утилитаризма и гуманизма, хоть этого и не видно ни при помощи микроскопа, ни при помощи химических реактивов. – Когда-то была эпоха столкновения меркантилизма и физиократов по вопросу об источниках богатства. Затем пришла эпоха столкновения физиократов и сторонников трудовой теории стоимости всё по тому же вопросу об источнике богатства.

Ныне – эпоха столкновения утилитаризма и гуманизма – всё по тому же вопросу о природе и причинах богатства народов. Многие у нас продолжают считать, что и сегодня источником богатства является труд, производящий товары.

В действительности же это уже устарело, ибо устарела трудовая теория стоимости как теория труда, производящего товары, со всей его инфраструктурой: с техникой, с характером профессионализма, с политикой, с правовым обеспечением экономики... И оказывается, что «польза», которой стремятся достичь через неорганические технологии, через традиционную систему разделения труда, через политику – призрачна и ложна, ибо весь этот механизм основан на *стоимости* (на трудовой теории стоимости). *Стоимость*, когда она господствует и превращает человека в товар, не является универсальным ключом для преодоления специфических противоречий нашей специфической эпохи – из-за того что на арену жизни готова выйти *ЦЕННОСТЬ* и выражающая её *сила таланта*. Это происходит потому, что труд как субстанциональная сила общественной динамики перестал быть таким, каким он был во времена Адама Смита и К. Маркса.

А это значит, что ставка на товар, на рынок ведёт к тому, что стоимостные механизмы, – НЕ будучи ключом для преодоления противоречий нашей специфической эпохи, – не дадут нам, необходимых импульсов к необходимому развитию. Не следует забывать, что мы живём в ситуации отставания, в ситуации неопределённости, возрастающей по экспоненте. А это значит, что нам необходимы такие ключи к преодолению противоречий эпохи, которые не могут быть созданы и не создаются на базе того труда, которым мы располагаем и который был известен Адаму Смиту. Они (эти противоречия) даже осмыслены быть не могут на базе труда, известного Адаму Смиту и остающегося единственно известным нашим уважаемым и почтенным реформаторам – в качестве субстанции общества.

Но сегодня уже невозможно осуществить фундаментальную перестройку нашего общества, располагая «научным капиталом» того знания о труде, который был у Адама Смита и у экономистов вплоть до Кейнса и Джеффри Сакса.

Этот тип труда охватывает громадную эпоху. Об этом труде было сказано: «Труд, как источник вещественного богатства, был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту». Кроме этого вещественного богатства данный тип труда «производит определённую общественную форму богатства» – меновую стоимость. И это последнее обстоятельство было, – по словам Маркса, – трудно понять некоторым экономистам (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 23).

Но сегодня, благодаря тому, что история не стоит на месте, положение ещё сложнее. Сегодня надо понять, что труд как источник самовозрастания своего творческого потенциала, как источник возрастания творческого богатства личности и общества, – когда именно это

богатство – всем богатствам богатство, – не был известен ни Моисею из Египта, ни Адаму Смиту. – Но мы этим не интересуемся. –

Труд – это субстанция общества. И если мы хотим понять, как меняется общество, надо понять как меняется его субстанция. Субстанцией общества, которое исследовал Маркс, был труд, производящий товары. Он с гордостью писал о себе, что «двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною» (см. там же, т. 23, с.50).

А сегодня это уже – вчерашний день субстанционального понимания социума.

Да, сегодня ещё можно сказать, что товар это субстанция общества, которое мы реформируем, понимая под этим, что в товаре воплощается двойственная природа труда, производящего товары.

Но чтобы двинуться в нашем субстанциональном понимании общества дальше, надо критически уяснить, что же произошло с трудом и с человеком с тех пор, как был опубликован т. I «Капитала» (1867 г.) до наших дней (1991 г.). Уже в конце 40-х годов XX века, когда Сталин объявил кибернетику «буржуазной лженаукой», начался глубочайший переворот в технологических основах труда. В дополнение к традиционным технологиям, имевшим дело ЛИШЬ с трансформациями вещества и с трансформациями энергии, начинают всё большую роль играть технологии, имеющие дело с информацией (что непосредственно влияет на человеческий интеллект и на его организационные функции, а также оказывает непосредственное влияние на традиционные технологии, которые становятся внутренне информированными или внутренне программируемыми), и это качественно меняет содержание труда и деятельный статус человека.

Если прежде, в докибернетическую эпоху, человек труда выступал лишь как *рабочая сила*, и с этим мирились, – хотя и тогда этот статус был некорректным, – то теперь это стало уже логически недопустимым, ибо информация и информационные потоки в производстве жизни, т.е. в труде, по-новому понятом как основа социума, приобрели значение субстанциональное (основополагающее). Это выразилось в двух аспектах: 1. человек в сфере труда освобождается от функции контрольно-управляющего устройства при машине, 2. человек вне сферы труда, производящего товары, приобретает в своё распоряжение информационно-перерабатывающее устройство (персональный компьютер), способствующее его интеллектуальному развитию и возвышению его роли СУБЪЕКТА и, следовательно, личности. Если «рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства... жизненных средств, или: стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни её владельца» (см. там же, с. 181), – то человек, жизненный процесс которого не сводится к воспроизводству рабочей силы как одной из сил природы, а реализуется ещё и как личность и её духовно-информационная деятельность, возвышающаяся над утилитаристским самополаганием, не должен уже больше рассматриваться как *рабочая сила*, то есть – как равная стоимости жизненных средств; всё дело в том, чтобы общество оказалось способным сделать все выводы из этого нового статуса человека и превратить потенциальные возможности в кинетическую энергию действительной жизни человека как личности – как субъекта творчества.

NB!

Если в свете сказанного обратиться теперь к проблеме той «пользы», которой у нас стремятся достичь наши уважаемые реформаторы через механизмы политики и права, то окажется, что эта «польза» призрачна и ложна, ибо все эти механизмы основаны на

стоимости. А стоимость, когда она господствует и превращает человека в товар (ибо видит в нём лишь рабочую силу) – не является универсальным и адекватным ключом для преодоления специфических противоречий нашей специфической эпохи, когда человек потенциально уже перестал быть равным стоимости жизненных средств (т.к. на арену жизни в качестве приоритетного фактора уже готова выйти ЦЕННОСТЬ и выражающая её сила таланта), но в социальном сознании всё ещё нет понимания, как этого достичь. – При этом не следует забывать о «ситуации отставания» и о «неопределённости, возрастающей по экспоненте».

8. ПОЛЬЗА И ИСТИНА

Теперь – о втором члене дилеммы – о «пользе через истину». Человек – существо утилитарно ориентированное. Он стремится приспособить окружающую среду к своим запросам (в отличие от животных, которые сами – эволюционно – «приспосабливаются» к природе), и это нашло своё отражение и в политической экономии и в целом направлении социологической мысли (Гельвеций, Бентам), получившем название утилитаризма.

Бентам рассматривал индивидуальные (частные) интересы в качестве единственно реальных и сводил общественные интересы к совокупности индивидуальных интересов. Такого же взгляда на интересы в наивности своей фактически придерживаются и наши уважаемые правительственные структуры, и даже в проекте Программы КПСС, раздел IV, проблема интересов выражена через притяжательное местоимение «Чьи» («Чьи интересы выражает партия») – так, словно проблема интересов не может существовать и не может быть осмыслена вне их потребительской отнесённости к эгоизму субъекта. Такое понимание интересов (а точнее – их осознание) у нас многие годы полагалось и считалось за естественное, за единственно возможное, за марксистское, и никогда (даже в сегодняшнем проекте Программы КПСС) не возникал вопрос о том, что на интересы можно посмотреть с точки зрения их социально-исторического качества – с позиции их ОБЪЕКТИВНОЙ исторической обусловленности, спросив, КАКИЕ интересы выражает партия? Нет: только «чьи»!

Поскольку объективные потребности эпохи как категория до сих пор у нас не вошла в систему нашего мышления, то получается, что в мышлении господствует эгоистический утилитаризм, утилитарно-меркантильные отношения (а в этом, собственно, и заключается сущность экономики!), которые НЕ представляют собой систему истинного образа действий для людей, вознамерившихся создать гуманистическое общество! Ибо такой (с упором только на субъективизм и эгоизм) образ действий, – как способ производства материальной жизни, – неадекватен становящейся эпохе, неадекватен, следовательно, перестройке!

Вдумаемся в формулу «о личном интересе, о личной материальной заинтересованности», которую у нас с некоторых пор повторяют, как заклинание, ибо видят в ней обозначение того «ключа», который откроет нам двери к «гуманному демократическому социализму».

Что такое личная материальная заинтересованность, к чему она у нас сводится?

В сущности, она у нас сводится к набору среднестатистически определённых потребностей индивидов, к так называемой «потребительской корзине». Ничего специфически социалистического в этом нет. Это – старое-престарое буржуазное потребление.

NB! Мы не отдаём себе отчёта в том, что эта самая «личная материальная заинтересованность» в сущности БЕЗЛИЧНОСТНА, ибо в ней нет ничего от филигранности и

многогранности ЛИЧНОСТИ как субъекта творчески ориентированной деятельности. За «личным материальным интересом» проступает облик потребителя, одержимого эгоизмом. И никакого, продвинутого вперёд, гуманизма и «гуманистического социализма» на этом пути впереди у нас нет, ибо невозможно на основе монополии «жрательного материализма» создавать теоретический и практический базис гуманистического общества! – И мы ещё удивляемся бездуховности, повальному безразличию к порокам в общественной жизни, росту алкоголизма и преступности, наркомании, проституции и т.п. –

Мы спотыкались в ходе перестройки (а до этого – в пресловутом «строительстве» социализма, которое понималось нами в духе исполнения строительно-монтажной деятельности) и будем ещё спотыкаться ПОТОМУ, что не знаем ВСЕЙ совокупности общественных отношений, образующих сущность человека. Так уж произошло, что шестой тезис Маркса о Людвиге Фейербахе был понят в том смысле, что «совокупность *всех* общественных отношений» слагается в нашем непросвещённом сознании, подверженном иллюзиям, лишь из экономических отношений (отношений производства, распределения, обмена, потребления и накопления), экономических феноменов. Вследствие этого мы уткнулись в тот тупик, что человек есть функция экономики (то есть – нечто внешне детерминированное) и впали в вульгарный материализм. А человек, рассматриваемый как функция экономики, есть лишь СРЕДСТВО производства товаров. И тогда, по такой привычной цепочке внешней детерминации, характерной для товарно-фетишистского общества, получается, что формируется и воспроизводится лишь эгоизм. А не гуманизм!

Питают иллюзии (прямо хоть пиши трактат на тему «О роли иллюзий в истории»; А.Н.Яковлев, давая в первой декаде августа 1991 г. интервью телепрограмме «Вести», высказался в том смысле, что вехами своей жизни считает моменты отказа от определённых иллюзий), что приватизация, частная собственность, акционерные формы деятельности, многоукладная экономика, совместные предприятия и прочие «экономические штучки» – содержат в себе стимулы к максимальному развитию личной предпринимательской инициативы и реализации статуса человека как хозяина! И это в общем правильно, но и – иллюзорно, потому что масштаб назревших в нашем обществе преобразований не может быть реализованным на основе личной материальной заинтересованности товарореализующихся «личностей», ибо стране (в ситуации отставания и возрастания неопределённости) НЕОБХОДИМА массовая реализация талантов, то есть – формирование ЛИЧНОСТЕЙ NB! исторически-нового качества и масштаба. «Личность», реализующаяся в товарах – потребитель, ориентированный на пользу; личность, реализующаяся в таланте – творец, ориентированный на истину. И только во втором случае можно говорить о действительной, об истинной личности, о понятии, адекватном эпохе.

Да, можно сказать, что мы не знаем всей совокупности общественных отношений, образующих сущность человека, поскольку в практике перестройки предметом внимания остаются лишь экономические отношения и факты. Но кроме экономики совершенно необходимо с такой же интенсивностью использовать семейные отношения, которые изначально определяют качества человека, его отношение к труду, к природе, к человеку и коллективу (к обществу, в конце концов), формируют его ценностные ориентации, его интересы и потребности.

Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она развёртывается как совокупность экономических, семейных отношений и отношений развития. Способность управлять взаимодействием этих трёх разрядов

отношений и даст нам возможность гораздо полнее реализовать потенциал человека – развить его способности и таланты. Сегодня, чтобы преодолеть упомянутые уже негативные явления, необходимо, чтобы экономика, порождающая все эти социальные пороки, рассматривалась не как фетиш, а как феномен, который сам должен быть подвергнут преобразованию. А для этого надо привести в действие семью и отношения развития.

Итак, необходимо преобразовать экономику. Но что это значит – ясности по этому вопросу нет, ибо экономика двойственна по природе своей, и сказав «преобразовать» мы ещё не определили, какой аспект её мы считаем главным.

NB! Экономика есть обмен эквивалентами, которые в принципе не эквивалентны. Отсюда и проистекает эксплуатация, неравенство, классы, отчуждение.

Если мы хотим преобразовать экономику, чтобы получать утилитарные результаты, то это будет одно преобразование.

NB! Если же мы хотим преобразовать экономику так, чтобы ликвидировать эксплуатацию, неравенство, отчуждение, то это должно быть совсем другое преобразование.

Социализм, приверженцем которого в XIX веке был Маркс, как известно, предполагает тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 19, с. 18-19), здесь господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей (с. 18).

Но в XX и Альберт Эйнштейн и Эрих Фромм, хоть были приверженцами социализма, но они (и это можно было бы логически вывести и доказать) не согласились бы с таким положением, что право, регулирующее обмен товаров, как всякое право (когда людей рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального), выступало бы как право неравенства, и это вызвало бы их возражение, ибо это не позволило бы решать социальные проблемы, возникшие в XX веке, являющиеся специфически гуманистическими проблемами.

NB! Ведь ясно же, что созидательная деятельность учёного или конструктора, способности организатора производства или науки, методолога, аналитика, открывающих новое, усиливающих творческий потенциал общества, – несоизмеримы с простой рабочей силой или с каким-либо вещественным вознаграждением за их деятельность, имеющую незатухающий характер, умножающийся эффект, реализующийся в деятельности других людей... и означающий по существу РАЗВИТИЕ общества.

Сегодня, по существу, сложилась такая ситуация, что многие виды деятельности невозможно оценить экономически и, следовательно, невозможно стимулировать экономически, т.е. соотносить с обменным эквивалентом.

И когда нам сегодня говорят об экономической реформе как базисе универсального обустройства нашего общества, то, видимо, забывают, что содержанием непосредственного экономического интереса является товар как эквивалент затраченной рабочей силы. Но современное общество гораздо сложнее товарно-эквивалентных отношений. И поэтому его обустройство просто невозможно свести к системе функционирования экономических отношений, даже если бы они обладали высокой товаро-созидательной эффективностью.

NB! В XX веке появились такие потребности, которые не подлежат стоимостно-эквивалентной оценке и стоимостно-эквивалентному регулированию (потребность в развитии дееспособности общества как целостности, потребность в высокоэффективном состоянии науки, потребность в высокоэффективной мыслительной активности личности, потребность в организации будущего общества, руководствующегося новой системой ценностей и т.д.). NB!

NB! Экономика не в состоянии осуществить всё это, ибо она представляет собой лишь механизм для производства товаров. Но, например, научное открытие – не товар, ибо для него нет товарного эквивалента.

Экономические отношения, как уже говорилось, – это эквивалентные отношения, как это выглядело в XVIII и в XIX веке, но даже и тогда не следовало бы упускать из виду, что два фактора, на которых держится товар как фундаментальное экономическое отношение (меновая стоимость и потребительная стоимость товара), сами по себе – факторы несоизмеримые (см. там же, т. 23, с. 550-551).

И если сегодня перед нашим обществом стоит задача преобразования экономики, то акцент в этом преобразовании должен быть сделан на феномене потребительной стоимости, под которым (феноменом) нам следует подразумевать способность всего класса явлений, относимых к потребительной стоимости, удовлетворять объективные потребности нашей эпохи.

NB! А так как объективные потребности нашей эпохи имеют ценностный характер (и, следовательно, принципиально не могут быть выражены стоимостным эквивалентом), то всё это означает, что экономика как система должна быть охвачена МЕТАСИСТЕМОЙ ценностных отношений и выступать как момент этой новой сверхсистемы и, при том, – как момент подчинённый.

NB! Таким образом, чтобы преобразовать экономику, надо «вписать», «встроить» её в систему ценностных отношений. Только подчинив систему стоимостных отношений системе ценностных отношений, мы сможем избавиться от товарного фетишизма и отчуждения.

Для экономистов как системщиков, решающих задачи налаживания товарного производства, **НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ** меновой и потребительной стоимости не имеет никакого значения.

Но для действительных преобразователей нашего общества, этот факт, о котором экономисты обычно молчат, имеет КЛЮЧЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

NB!

Проблемный интерес этого фактора *несоизмеримости* меновой и потребительной стоимости выявляется только тогда, когда мы соотносим меновую стоимость (которая обычно имеет в качестве своего «антитезиса» некие вещные сущности) и личностный фактор (талант, способности, высокий профессионализм, творческий потенциал и т. п.). Поскольку это действительно несоизмеримо, ибо это не может быть поставлено в отношение эквивалентности, то возникает проблема, **КАК** стимулировать **то**, что противостоит меновой стоимости в качестве антипода потребной товарной сущности – в рамках товарно-денежных отношений, – но на самом деле товаром не является, а представляет собой воплощение совершенно иных материальных жизненных отношений, которые выше были определены как семейные отношения, или как социально-культурные отношения. Их ведь нельзя привести в полное действие, во вдохновенное напряжение посредством лишь денежного вознаграждения.

NB! Факт несоизмеримости **в данном случае** «подсказывает», что вся проблематика должна быть переведена в новую МЕРУ ОТНОШЕНИЙ. Иными словами, в рамках экономических отношений проблемы гуманизации труда решены быть не могут.

9. Приложение

Узловые идеи концептуального подхода – вместо заключения

Джордж Сорос в своей книге «Советская система: к открытому обществу» (см. М.: Политиздат, 1991 г., 221 с.), боясь быть непонятым и стремясь быть популярным, вынес раздел «Философские основы» в Приложение, в конец книги и свёл эти «философские основы» к 23 страницам, что составляет 10% текста.

Автор данной работы, напротив, считает что «философские основы» – это подлинные ОСНОВЫ и должны пронизывать всю ткань исследования, составляя его существеннейшее содержание, без которого и понимать, собственно, нечего.

Чтобы что-то понять в нашей эпохе, надо выразить это в ПОНЯТИЯХ, адекватных этой эпохе. А «выразить в понятиях» означает, что когда мы оперируем терминами, то подразумеваем под ними не вещи, рисующиеся в нашем сознании как картинки – «наглядно, грубо, зримо», – а имеем в виду те характернейшие отношения (типологию взаимодействий людей) которые и создают вещи в качестве предметов человеческих потребительских стремлений.

Например, когда здесь употребляется термин «товар», то подразумевается не вещь, лежащая на прилавке и имеющая этикетку с указанием цены, а – ТИПОЛОГИЯ общественно-деятельной жизни, в которой все факторы социальной динамики принимают форму товаров. «Товар» здесь – имя нарицательное для способа общественной жизни, в которой и рабочая сила – товар, и средства производства – товар, и сырьё – товар, и деньги – товар, и изобретательская мысль – товар (хоть это и дико звучит!), и товар, лежащий на прилавке, – тоже товар, и отношения людей, кристаллизирующиеся в товарах, выступают как отношения товаров; вот всё это и выражается термином «*товар*».

Это представляет определённую сложность для обыденного сознания. Но это – единственный способ, посредством которого можно *понять* общество на уровне ПОНИМАНИЯ, а не на уровне *созерцания*, как это характерно для массового сознания. Без понятийного мышления сегодня человечество обречено, поэтому стало необходимым ПОНИМАТЬ понятийно, а не созерцательно или, иными словами, – мыслить концептуально, так как только при таком способе интеллектуальной работы нашей головы нам в нашем понимании становятся доступны не только «вещи» (которые сами по себе бессмысленны с точки зрения раскрытия созидающих их сил и выведших их к жизни причин), но и смысл жизни как ПРОЦЕССА *исторического*. Вот почему писать исследование, вынося «философские основы» в Приложение – бессмысленно и бесплодно: надо научить людей ПОНИМАТЬ параллельно с самим процессом сущностного изложения того, что происходит. Поэтому весь текст данной работы пронизан и пропитан концептуальным подходом, смысл которого состоит в том чтобы достичь *адекватного понимания*. Наше понимание должно *соответствовать* той эпохе, в которую с неизбежностью должно вступить человечество (соответствовать – значит быть адекватным).

Остановимся теперь на узловых идеях концептуального подхода.

1. Первая такая идея находится на стр. 5-7, где сформулирована мысль о том, что для теоретического рассмотрения нашего общества необходимо уточнить МЕТОД осмысления нашей эпохи. И в качестве такого уточнения предложена *аналогия* с методологией, к которой прибегает современная геология: имеется в виду концепция «тектоники литосферных плит». Подобно тому как в геологии всё, что происходит на поверхности нашей планеты, объясняют не одной причиной, а многими, так и всё то, что происходит в нашем обществе, надо объяснять не одной экономикой (как это у нас принято и превратилось уже в предрассудок и в «штамп», по которому строится мысль), а многими «социальными литосферными плитами».

Среди «литосферных плит», формирующих общество, названы не только факторы материальные, но и фактор духовного порядка – «сила абстракции» (см. стр. 9).

Эта идея в системе концептуального подхода призвана вывести наше мышление вперёд: от монохромного (т.е. экономического) осмысления эпохи и нашего общества – к полихромному, т.е. к осознанию многоцветья фундаментальных причин, обуславливающих развитие.

2. На стр. 7 (и ещё ранее) указано на связь экономики с определённым типом технологии и сказано, что наступил количественный предел эффективности экономики (стр. 7) – мысль, которая в наших управленческих и правящих структурах остаётся неосознанной из-за того, что экономикой не принято было рассматривать как подчинённое, детерминированное, отношение, связанное с определённым типом технологии. На этой же странице указаны два «корня зла» которые сопряжены с экономикой, как с феноменом, опирающимся на неорганические (механико-физико-химические) технологии: первый корень зла заключается в том, что (при колоссальном росте потребительских запросов бесконтрольно растущего населения Земли) неорганические технологии разрослись настолько, что сравнимы по своему действию с геологическими катаклизмами глобального масштаба. И происходит это в условиях *непонимания*, что сегодня уже возник глубочайший разлад между самим существованием человека *как органического существа*, эволюционно встроенного и вписанного в органическую жизнь флоры и фауны, и действием неорганических технологий, производящих столько ЯДА для окружающей среды, что биосфера Земли не в состоянии нейтрализовать его.

Второй корень зла, порождаемый экономикой и неотделимыми от неё системами технологии, заключён в том, что экономика порождает такую систему разделения труда, которая обрекает массы индивидов на «профессиональный идиотизм» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 301, т. 4, с. 159). А при таком положении, когда массы людей и элита руководителей, ориентированные профессионально (т.е. – являясь узкими специалистами), сосредоточены только на том, чтобы добыть себе хлеб насущный и престиж, основанный на этом добывании для масс насущных вещей, они остаются совершенно некомпетентными в вопросах общих и прогностически-эвристических – в проблемах аналитических, имеющих своим содержанием выяснение, а к чему в конце концов ведёт это утилитаристское целеполагание низов и верхов, «довольных малым».

NB! «Профессиональный идиотизм» страшен и опасен тем, что он фактически выступает как НЕПОНИМАНИЕ человечеством конца XX века, что имеющийся у него способ добывания средств к существованию подготавливает и кладёт конец самому существованию людей на Земле.

В таких обстоятельствах, чтобы выжить, человечество должно измениться в сущности своей по крайней мере в следующих аспектах:

1) существенно уменьшить как в абсолютных размерах так и относительно долю неорганических технологий в сфере своего способа производства средств к существованию;

2) постараться как можно в больших размерах поставить на место профессионального разделения труда (порождающего «профессиональный идиотизм») развитие ассоциированного труда (= «синтетических» форм человеческой деятельности), обеспечивающих человечески-всестороннее развитие способностей людей;

3) существенно изменить приоритеты научно-технической стратегии на перспективу в пользу развития органических технологий;

4) сделать неременным условием индустриального производства требование соблюдения экологических норм отношения к природной среде;

5) поставить проблему достижения «высшей производительности труда» так, как она истолкована в данной работе (см. стр. 20).

3. Самым значительным моментом этой работы надо по-видимому признать то, что она направлена против «экономического обалдения» (см. стр. 5). Это существенно не только в содержательном плане, но и в психологическом отношении: слишком уж у нас распространено ставшее уже БЕЗДУМНЫМ «убеждение» в том, что апеллирование к экономике является самым фундаментальным аргументом. Об этом не думают, не задумываются, а просто «выпаливают» (будто в карточной игре ходят с козырного туза): «экономика», и при этом полагают, что пресекли и сняли все возражения возможного оппонента. Ах, как это заманчиво обладать таким «непробиваемым» аргументом! Это всё равно, что обладать дубовоболваным лбом, которым (как это показано в одном итальянском кинофильме) можно сокрушить любого соперника (события, помнится, происходят на острове Сардиния).

Одной из главнейших задач не только данного исследования, но и переживаемой нами эпохи, является выяснение, что сама по себе экономика, на которую возлагают ныне столько надежд, не в состоянии разрешить волнующие нас проблемы.

В работе говорится, что экономические проблемы *есть в сущности мизер* на фоне того разворота событий, который должен быть осуществлён, чтобы экономика заработала, ибо у общества, которое нам предстоит осуществить, фундаментальную роль играют не только экономические отношения, но и другие отношения, значение которых не менее основополагающе (не менее субстанционально), чем значение экономических отношений.

К числу таких субстанциональных отношений надо отнести отношения развития и семейные отношения, и только во взаимодействии с этими последними экономика в нашем обществе может успешно функционировать. Таким образом, у общества, которое мы вынуждены будем созидать (именно вынуждены будем!) фундаментальных начал несколько, и понимание этого обстоятельства является условием успешной практики «перестройки». Когда же уповают только на экономику и намереваются экономические проблемы решить экономическими средствами, то тем самым заводят практику в методологический тупик.

В математике есть такая теорема (она известна как вторая теорема Курта Геделя о неполноте, 1931 г.), которая гласит (в вольном пересказе применительно к обсуждаемой нами

проблематике), что средствами системы невозможно разрешить (преодолеть) противоречия данной системы, так как, – добавлю от себя, – противоречия возникают не в пространстве данной системы, а – так сказать, «во времени», – в связи с переходом системы, под влиянием времени, в новое пространство и в новое время, которые ставят систему перед новыми обстоятельствами.

И, следовательно, чтобы разрешить противоречия данной системы (= противоречия нашего социума, основывающего себя на экономике), надо включить эту систему (= наш перестраивающийся социум, которому никак не удаётся перестроиться) – в более широкую, новую временную целостность (*в метасистему*, базис которой имеет не монохромный, а тройственный характер), и тогда возникнет методологическая возможность, или – *метаоснова*, для разрешения беспокоящих нас противоречий. Имеются в виду противоречия между ростом массы утилитарных потребностей населения и сугубо экономическим способом их удовлетворения, так как за этим стоят противоречия между неорганическими (механико-физико-химическими) технологиями и логикой, т.е. органикой биосферных процессов существования флоры и фауны и самого человека как органического, экологически обусловленного существа.

Экономисты (да и юристы, да и политики, публицисты), *поскольку они не методологи* (и даже не математики) и, следовательно, никогда не занимались критическим исследованием своего собственного мышления – или – сознания эпохи – и не вырабатывали моделей изменения своего собственного мышления адекватно наметившемуся сегодня СДВИГУ ЭПОХ, – не осознавая этого, – зацикливаются на том, что тавтологически воспроизводят своё собственное, сложившееся, мышление, в котором стоимость превалирует над ЦЕННОСТЬЮ и т.д. и т.п. и действуют так, БУДТО их традиционное мышление применимо к наступающей новой эпохе.

Так, например, экономисты полагают, что экономика вечна (хотя они могли бы усвоить из чтения Маркса и Энгельса, что законы экономики – это не вечные законы природы, но законы исторические, возникающие и исчезающие, и что кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас совокупностью законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. См. т. 31, с. 393), и полагают они это потому, что никогда серьёзно не задумывались о судьбах профессионального, или «старого», – по выражению Ф. Энгельса, – разделения труда (см. т. 20, с. 308), о судьбах «профессионального идиотизма», о значении товарного фетишизма и о последствиях для общества и человека тех обратных связей, которые возникают при производстве товаров, когда это производство является приоритетом всей социальной динамики и – смыслом жизни *товарореализующихся* индивидов! NB!

Произнося слово «экономика», мы не отдаём себе отчёта, что оно означает экономическое *принуждение*.

Произнося слово «право», мы точно так же не отдаём себе отчёта, что нормы права соблюдаются только тогда, когда есть механизм, ПРИНУЖДАЮЩИЙ к исполнению норм права.

А так как экономика и право – «близнецы-братья», то не надо идеализировать ни то, ни другое.

Подобно тому как экономисты (в силу экономической заикленности их интеллекта) не понимают, что экономическими методами невозможно создать гуманистическое общество (и, тем самым, разрешить проблемы нашего общества как общества, переходящего в новую систему и в новую типологию бытия), так и юристы не понимают (в силу «юридического синдрома» господствующего над их сознанием), что рычаги, на которые они хотели бы опереться для перехода в «правовое государство» (сильный и независимый суд, независимый арбитраж и независимый прокурорский надзор и т.д. – это всё те же рычаги насилия и страха, и в их применении мы никуда не уходим от большевистского тоталитаризма, только обставленного теперь другим словесным антуражем, ибо нормы права соблюдаются и основываются на принуждении, без которого они были бы мёртвой буквой). (См. Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь, М., 1905, с. 1868).

NB! Вопрос, следовательно, заключается в том, возможно ли гуманистическое общество, если способ его функционирования органически включает в себя НАСИЛИЕ как способ его организации?!

Когда читаешь строки С.С. Алексеева по поводу необходимости СИЛЬНОЙ судебной системы (см. «За рубежом», 1991 г., № 68, с. 1), то невольно вспоминаешь слова Л.Н. Толстого из «Войны и мира»: «где суд, там и неправда!» Не надо власти, – подумалось мне, – нужна истина! И в самом деле, что может власть, сильная или даже ВСЕСИЛЬНАЯ, если она не владеет истиной бытия?! Если власть не понимает природы социума, в котором мы живём, не понимает эпохи, в которую вступает человечество, то глупо надеяться на власть! «Сила есть – ума не надо», – говорит русская народная пословица и говорит с сарказмом! – Неужели юристы этого не понимают? Или они полагают, что являются носителями абсолютного разума? Неужели их обуяла такая самонадеянность?!

Трудности, которые стоят перед нашим обществом и в сфере социально-исторических преобразований, и в сфере социального познания заключаются в том, что это общество невозможно реформировать на той основе, которая есть в наличии, ибо экономика, право, политика в качестве основы не годятся, ибо они составляют старую, антигуманную, «профессионально-идиотскую» основу. Нельзя новое строить на старой основе, ибо, как говорится, «базис определяет надстройку».

Чтобы действительно перестроить наше общество, надо создавать принципиально новую основу, которая задавала бы новый смысл всему жизненному процессу.

И в этой связи вновь всплывает старый-престарый вопрос о стимулах к деятельной активности человека и о роли насилия в системе организации ПЕРЕХОДА к гуманистическому обществу.

И здесь напрасно пытаются нам внушить, что современное западное общество (с его экономическим принуждением и его правовыми структурами и «правовыми рычагами принуждения») есть гуманное общество и, таким образом – то, что нам надо.

Нашим уважаемым юристам не только *кажется*, но сверх того ещё и чудится и мерещится, что достаточно сделать наше государство «правовым государством», как тотчас же воцарится цивилизация и культура. «А что касается насилия, принуждения... так это же ведь ПО ЗАКОНУ! И к тому же нельзя же так вот сразу... когда-нибудь, потом... Но дело в том, что если не сразу, то ПОТОМ – не будет. Сегодня – критический момент истинного

понимания: либо мы ценим личность превыше всего, либо мы исчисляем собственность в купюрах как высший приоритет в системе человеческого бытия!

Представьте себе юристов, которые каждый день по 8 часов вращают юридический жёрнов, который перемалывает человеческие судьбы... и, куда ни шло, чтобы «по закону... А то ведь тысячи протестов и кассаций с упрёками в адрес *неправого суда*»!

Не тот ли это профессиональный идиотизм, о котором писали классики?!

Слишком это просто (когда судьба СТРАНЫ в столь сложном положении!), когда собираются «юридические дяди и тётки» и с помощью юридических кодексов «решают», кому сколько лет тюрьмы назначить. Ведь это же критический шаг превращения гражданского состояния человека – в состояние рабское (словно ввергают его в египетское рабовладельческое царство). Это – историческое изменение состояния личности, вряд ли допустимое сегодня как со стороны всей общественной системы, которая до этого довела, так и вряд ли допустимое СЕГОДНЯ как прерогатива закона, ибо человек не юридический феномен, и он не является собственностью юридических структур... СЕГОДНЯ!

Вопрос о тюрьмах СЕГОДНЯ является *вопиющим*, ибо это СИМВОЛ БЕССМЫСЛИЯ, до которого мы дошли! И почему наши учёные юристы об этом молчат (вместе с юристами в правительственных, парламентских и президентских структурах), когда сам ПРЕЗИДЕНТ – юрист?! Непонятно.

Тюрьмы СЕГОДНЯ – на фоне разговоров о гуманном демократическом социализме – это, как ни верти этот вопрос, – это порождение профессионального идиотизма юристов, свидетельство того, что у них нет ни социального интеллекта, ни социального чувства, ибо тюрьмы сегодня трагически-социально-вредны! Юриспруденция и юрисдикция – это БЕЗДУШНАЯ и БЕЗДУМНАЯ формальная система, представляющая собою идеологический аппендикс (буквально – слепую кишку!) тюремно-лагерной системы, существование которой в век компьютеров и системного анализа в стране Пушкина, Толстого и Достоевского есть не только анахронизм и нелепость, но и позор, но которое (существование) искусственно подпитывается государственными ассигнованиями, так как считается (людьми, лишёнными творческого интеллекта и гуманистического склада характера и личности), что она создаёт в обществе тот *страх*, при помощи которого стараются управлять (те, у кого нет ума. Но есть сила)...

Подобно тому как невежественные большевики (Макары Нагульновы, Семёны Давыдовы, Будённые, Ворошиловы, Сталины, Шванди и проч.) экспериментировали в течение более 70 лет и не могли понять, что «коммунизм со страху не построишь» и держали всех в безысходном страхе и в изоляции от живой мысли, так похоже что и теперь начинают экспериментировать юридически просвещённые юристы, которые питают себя (и других) иллюзиями, что при помощи «правовых рычагов» им удастся создать «правовое государство» с тюрьмами и лагерями в качестве неотъемлемого атрибута справедливости. Бред! – Но ведь мы же не замечаем, что это – *бред*! Мы даже верим (а вера – это не знание, а *вера есть слепое согласие с предлагаемым догматом*), что действительно это возможно.

В этом факте нашей веры в то, что экономику можно реформировать экономическими средствами, и в то, что «правовое государство» можно создать, пустив в ход «правовые рычаги» и т.п. – сливается воедино несколько потоков причин и следствий.

Прежде всего должна быть названа та причина, что в нашем обществе при всей его декларативной революционности и в 1905 и в 1917 году и позже так и не произошло философской революции, которая в Западной Европе предшествовала революции социальной, т.е. революции в сфере трудовой культуры, или культуры труда. И февраль 1917-го и переворот в октябре 1917-го были всего лишь политическими модификациями власти, но никак не социальными революциями. Это были поверхностные декларативные маскарады на тему западноевропейских политических революций, в которых, надо сказать, в свою очередь, был значительный элемент переодевания в костюмы античной республиканской романтики. Но тем не менее, революции в культуре труда на Западе были, и в Германии такая революция, известная под именем *реформации*, началась как революция в мозгу монаха (Лютер, 1483-1546), а французская социальная революция, приведшая к торжеству буржуазного способа производства и, следовательно, новой культуры труда, была фундаментально обоснована философской деятельностью таких мыслителей, как Вольтер, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескьё, Дидро, А. Барнав и многие другие.

Ничего подобного у нас в России не было. И может быть у России в XX в. должен был бы состояться другой путь?..

Но так как и февраль 1917-го и октябрь 1917-го находились под сильнейшим влиянием политического опыта Западной Европы, то надо отметить, что народный дух России не был соответствующим образом философски подготовлен, чтобы адекватно это воспринять. И сегодня, когда «перестройку» называют «революцией», мы не имеем (и не только в народной массе) той философской компетентности, которая уже выработала бы ответы на вопросы о тех способах стимулирования человеческой деятельности, которые приемлемы и были бы достойны ЧЕЛОВЕКА как творческой личности, об отношении к насилию и принуждению, об отношении к отчуждению, об отношении к экономике (и, следовательно, к товарному фетишизму), об отношении к демократии, о которой у нас только и знают, что слово это происходит от греческих слов «демос» – народ и «кратос» – власть. И только-только начинается философское осмысление того, что мы пытаемся заимствовать у Запада. Так, наш философ Анатолий Арсеньев высказывает, думается мне, справедливую мысль о том, что «формы, которые мы собираемся заимствовать у Запада, уже сыграли свою историческую роль и, по-видимому, должны в недалёком будущем радикально измениться». (См. «Век XX и мир», 1990, № 10 с. 46.) Говоря о демократии, А. Арсеньев отмечает, что «в демократии при всех её социальных достоинствах, не предусматривается органическая иерархия духовной жизни общества, духовное руководство замещено социальным механизмом (я бы сказал – политическим механизмом – Н.Н.), обеспечивающим господство посредственности (что отмечали еще античные авторы), приводящим к торжеству пошлости так называемой массовой культуры, где процесс обезчеловечивания человека приобретает размах индустриального производства, что вызывает всё возрастающую тревогу и среди мыслящих людей Запада. Демократический социальный строй, по видимости, не затрагивает сферу духовного развития человека, хотя в действительности, становясь господствующей формой социальной активности (я бы сказал – политической активности – Н.Н.), активно этому развитию противостоит, захватывая и погружая сознание в сферу вещных отношений, практически исключая способность восприятия Мира как целого, являющегося необходимым условием формирования личностного «я» (см. там же).

Есть масса проблем в нашей общественной жизни, которые остаются вне компетенции массового сознания из-за того, что у нас не было философской революции и поэтому эти проблемы как бы и не существуют для массового человека как проблемы метафизические. Они

не становятся предметом мыслительного и мыслящего освоения. А без этого у человека не может быть критического отношения и собственной точки зрения. И когда нашему массовому человеку подбрасывают такую «юридическую ахинею», как создание «правового государства» посредством применения «правовых рычагов», что подразумевает аппарат, принуждающий к исполнению норм права и, следовательно, тюрьмы, лагеря, КПЗ и прочие «юридические штучки», то из-за того, что у этого массового человека нет своего взгляда на будущее и понятия будущего, нет понятия личности и сознания ЛИЧНОСТНОСТИ своего «Я», нет приверженности к новой культуре труда, – то он оказывается бессильным что-либо противопоставить экономической и юридической тавтологистике.

Поскольку в нашей стране философской революции не произошло, – а философское мышление является критичным и антиконформистским, – то потребность в таком отношении ко всяческим проектам, кем бы они ни выдвигались, исключительно актуальна!

Недаром сказано, что для юриста закон становится его собственным обычаем.

Иначе говоря, юрист духовно живёт (всеми своими помыслами и интеллектуальными импульсами) в сфере юридических фикций, но убеждён, что историю можно и нужно делать на основе юридических законов! Перед нами факт, когда путают объективные законы истории и юридические (субъективные) построения законников,¹⁴ И ЭТО ПРОИСХОДИТ В ЭПОХУ, когда на смену культуры возделывания вещества, превращаемого в товары, с необходимостью (как объективная потребность времени) должна придти культура нового труда, в сфере которой «возделывание» талантов и творческих личностей стало условием и предпосылкой выживания человечества!

В чём природа (т.е. сущность) путаницы? Дело в том, что юридические законы имеют воспроизводительный характер: они ничего не могут изменить в социально-историческом плане. По этим законам, как во времена вавилонского царя Хаммурапи (1792-1750 до н.э.), карают и сажают, не думая ни о каком прогрессе, соотнесённом с нашей эпохой, ни о роли личности.

Для юриста история представляется чем-то вроде дикого быка, на которого надо ловко набросить «юридический аркан», чтобы усмирить его. Но история – это не бык, это – люди с человеческими судьбами и с личностными духовными качествами, которые развились настолько, насколько общество и семья позаботились об этом. И эти качества немислимо вогнать в шаблон юридических законов! Слишком это было бы просто!

Самым важным моментом (признаком) переживаемого нами времени, – если оценивать это с позиции «перестройки», – является то, что традиционная система общества (в единстве экономики, политики и права) изжила себя как гуманистически оправданная система, как перспективная историческая целостность и не оставляет надежд и возможностей на этой, экономико-политико-правовой, почве решать актуальные проблемы общества, для которого неизбежностью стал переход в метасистему.

¹⁴ Недаром же юрист убеждён, что по постановлению суда человека можно ухайдакать в рабовладельческую формацию и навязать ему статус раба, т.е. юридическим средством произвести историческое изменение. А Лев Толстой ещё в 60-годы XIX выразил мысль о том, что «где суд – там и неправда». Так в чём же состоит гуманизм в 90-е годы XX века?!

Этим-то и объясняется, почему невозможно правовыми средствами решать правовые проблемы, а экономическими средствами – экономические: «всё прогнило». Эти слова («всё прогнило») произнесены были М.С. Горбачёвым на встрече с деятелями культуры весной 1991 года. Но одно дело – метафорическое определение («всё прогнило») и совсем другое – понять это философски, хотя и в философии бывают полезны метафоры как аналогии.

Действительно, если смотреть на мир социальных явлений и процессов с точки зрения большой перспективы (а именно так и надлежит смотреть, ибо время жизни человечества катастрофически убывает, если не принимать профилактических мер), то не о товарах, не о демократии и не о «правовом государстве» надо думать как о приоритетах, а о становлении новой (высшей) культуры труда. «Всё прогнило» – означает, что и экономика, и политика, и право морально устарели, то есть – не находятся на уровне объективных потребностей наступающей эпохи, но этого всё ещё не замечают и не понимают верхи, да и низы, нашего общества, потому что интеллект и психология управляющих верхов, да и низов, находятся ВНУТРИ этой старой целостности, и, являясь её порождением (по принципу: «бытие определяет сознание»), не возвышаются в духовном отношении над этой целостностью и потому оказываются неспособными отнестись к ней критически и, следовательно, понять её как исторически преходящую и сделать конструктивные выводы.

Это можно проиллюстрировать таким примером. В начале 30-х годов была такая детская книжка с картинками, в ней рассказывалась история снетка (маленькой рыбки), который пожелал сразиться с китом и так рьяно стремился ему противостоять, что не заметил, как был проглочен морским гигантом и оказался в его желудке.

«А снеток в темноте, у кита в животе, и кричит и вопит: «Где же кит?! Где же кит?! Подавайте кита мне для драки!»

Этот сюжет подводит к мысли, что юрист ли, экономист ли, или политик, находясь внутри системы, не в состоянии составить себе адекватную программу по преобразованию системы («борьбы с китом»): его мышление является зависимой переменной, или функцией данной системы, которая его (экономиста, юриста, политика) в конце концов «переварит», как кит – снетка. К сожалению, многие наши реформаторы не отдают себе в этом отчёта (не осознают сущности, – природы, – своего собственного сознания). Им кажется, что можно «улучшить» и экономику (посредством рынка), и политику (посредством демократии) и право (посредством «законности» и «правового государства»), и тогда всё станет о-кей.

На самом же деле – нет («о-кей» не получится), ибо «прогнила» не сталинско-брежневская экономика (и соответственно – политика и правовые структуры), а экономика вообще как система, основанная на социально-профессиональном разделении труда (и на адекватной ему технологии)!..

Наше общество можно реформировать только при наличии такой вот – более углублённой теории... А это значит, что необходима философская революция, формирующая субъекта преобразований, имеющего принципиально новые интересы и потребности и новое сознание.

Сегодняшние лидеры Союза и республик, хоть они и могут считать себя революционерами, но они всё ещё находятся в положении снетков (у кита в животе) и не осознают, что социальной революции у нас так и не произошло, ибо социальная революция СЕГОДНЯ – это преобразование культуры труда: переход от труда, производящего товары (с

их двусторонней определённости), к труду с трёхсторонней определёностью, то есть – труда, производящего творческую человеческую личность как ЦЕННОСТЬ и, попутно, товары, обладающие меновой и потребительной стоимостью, когда этот «бином» не играет определяющей роли.

4. Одной из «находок» этого рассмотрения эпохи сквозь магический кристалл теории было выявление того, что известный всем «личный материальный интерес» – в сущности БЕЗЛИЧНОСТЕН (стр. 43). Это даёт почувствовать пошловатость обыденно понимаемого личного материального интереса.

А с таким пониманием как бы открывается новое мыслительное пространство: есть, над чем подумать, увидеть мир будущего как новую целостность. Новую во ВСЕХ отношениях.

По поводу категории интересов: читатель, вероятно, не останется безразличным к тому, что надо различать субъективные интересы (потребности) индивидов и объективные потребности (интересы) эпохи. Это ведь тоже – прорыв в будущее: до сих пор у нас эти категории не мыслились, а воспринимались чувственно. А такое восприятие – это ведь признак недомыслия.

5. Думается, что и категории «польза» и «истина», поставленные в связь с проблемой «отставания», с категориями «таланта» и «товара» создают такой спектр мысли, которого у нас просто не было. А не было потому, что оперировать понятиями у нас не принято.

Автор этих строк совершенно убеждён, что на основе индустриализма не может быть ни социализма, ни гуманного общества, ибо индустриализация есть логическое продолжение промышленной революции XVIII века, на почве которой произошёл переход к машинному капиталистическому обществу и производству, в котором функционирует машинно-расщеплённый человек-специалист, созидая частичную товарную продукцию, тождественную его (человека) профессионально-узкой сути.

Иными словами, на индустриальной основе производства не может быть целостного человека-индивида. А новое, подлинно гуманистическое общество возможно только в том случае, когда сам труд, его технологические предпосылки и ценностные общественно-производственные установки (как установки на новый тип производящегося общества) и ориентируют и предопределяют становление всесторонне развитого человека. А до этого ещё очень далеко.

Преобразование человека, возвышение его от состояния частичного профессионала, реализующегося в производстве частичного товара, к состоянию универсально развитой личности должно начинаться с преобразования сознания. Для этого необходима новая идеология, новая социальная психология, новая нравственная концепция, которые все вместе выступают как силы, объединяющие народ духовно. Только великие идеи могут поднять наш народ к творчеству нового общества. И в этом отношении (= создание нового духовного строя личности) ведущая роль опять-таки принадлежит философии. То, что трактуют экономисты (накормить страну), то, что изо всех сил стараются внушить юристы (создать «правовое государство» – см. статью С. Алексева в газете «Культура» от 5/X-91 г., стр. 3, под названием «Не упустить бы...»), то, что говорят политики (воспитать политическую культуру и развить демократию), – никого «не колышет». И не производит это желаемого впечатления и не побуждает к ожидаемому действию ПОТОМУ, что идея о том, чтобы нажраться, насытиться

не может вдохновить великий русский народ, да и другие народы страны общей судьбы. Не впечатляет и идея «правового государства» и «праведного суда», потому что русский народ – не государственник по духу (недаром М. Бакунин и П. Кропоткин – это чисто национальное явление), а что касается суда, то из нашей истории дошло предание «Шемякина суда» и: «где суд, там и неправда» – из «Войны и мира» Л. Толстого. Что касается демократии, устанавливающей истину большинством голосов, то ещё античные эллины говорили, что «истину нельзя установить посредством черепков». Русские, думается, не глупее греков.

Так что всё то, что нам предлагают юристы, публицисты, экономисты, политики, заимствуя свою «мудрость» в «заграницах», мелкотравчато и не соответствует ни русскому духу, ни «русской идее».

Необходимы поистине ВЕЛИКИЕ идеи, представляющие собой *синтез*: 1) новой философии бытия (как ориентирующей человека не на товар, а на талант); 2) новой нравственности, провозглашающей общечеловеческие ценности и всечеловеческое единство в целях сохранения жизни на Земле; 3) и той особой ЛИЧНОСТНОСТИ, которая ставит личность выше государства, права и демократии, ибо творческая личность каждого – это и есть та ЦЕННОСТЬ, сосредоточенность на становлении которой позволит человечеству преодолеть лавинообразно нарастающую неопределённость его бытия и грозящую экологическую катастрофу.